

ИЛЬЯС ДАУДИ

ПОВЕСТЬ «МЫ ВСЕ ВЕРНЁМСЯ»

из РОМАНА

«В КРУГЕ КУНДУЗСКОМ»

Ильяс Дауди – участник Афганской войны 1979-1989 года, Герой России, общественный деятель, публицист.

МЫ ВСЕ ВЕРНЁМСЯ

«Они прошли сквозь горнило той тяжелой войны и вынесли на своих юношеских плечах всю тяжесть этого непростого, а порой и неблагодарного труда. Но на всю оставшуюся жизнь они для меня особая гордость, эталон высочайшего мужества и героизма» – генерал-полковник А.И. Скородумов

**АЭРОДРОМ ГЕРАТ. АФГАНИСТАН. 26 августа 1986 года —
ИТОГОВЫЙ ДЕНЬ ОПЕРАЦИИ «ЗАПАДНЯ»**

На взлётно-посадочную полосу аэродрома, один за другим, приземлялись вертолёты Ми-8МТ, возвращавшие из района операции боевые роты. Тем, кому повезло — кто не погиб и не был

ранен, — предстояло возвращение бортами Ан-12 в пункт постоянной дислокации в провинцию Кундуз. Разведчики расположились вскрай командно-диспетчерского пункта КДП на пятачке, где провели ночь перед десантированием. Они с тугой вспоминали напряжённые дни операции и выбывших боевых товарищей. Повидаться с эвакуированными в госпиталь ранеными Рустом и Сидором по возвращению в Герат Костру не удалось, и мысль о том, что встреча с ними в Афганистане уже не сулила, зело его бередила. Желая самоустраниться от мирского шума, он раскинулся в сторонке на плащ-палатке, положил за спину свой, Руста и Сидора рюкзаки, достал транзистор SANYO и, настроив его на рабочую волну, впал в раздумье. Его удручало, что из дружной шестёрки товарищей в строю остался лишь он один. Перед глазами, друг за другом, представали пятеро друзей — Руст, Сидор, Костян, Монгол и Стрела. Он вспомнил их между собой потасовку в поезде на пути в Сурхандарью, послужившую знакомству, и как всех их по прибытию в воинскую часть отобрали в учебную разведывательную роту; три тяжёлых месяца в учебке и совместное участие в череде операций Афганской войны. Вспомнились Костру драматические события прошлого дня — рассказ Руста о безногом деде Ахмадулле, его поутру подрыв на mine, прошитый пулей Сидор и переданная им в горах Кишима спасительная фляжка воды. Из непрерывного потока воспоминаний Костра вернула неожиданно начавшая звучать хорошо запомнившаяся песня авторов Стаса Намина и Игоря Шаферана «Мы желаем счастья вам»:

...Чтобы было легче в трудный час,
Нужно верить каждому из нас,
Нужно верить каждому,
В то, что счастье есть...

ТАШКЕНТСКИЙ ГОСПИТАЛЬ — ДОРОГА ДОМОЙ

ТАШКЕНТ. 340-й ОКРУЖНОЙ ВОЕННЫЙ ГОСПИТАЛЬ ТуркВО
им. П.Ф.БОРОВСКОГО - два месяца спустя

Утро 29 октября 1986 года. От летнего зноя остались лишь воспоминания, но солнце всё ещё грело. День выдался погожий: +22оС. Руст и Сидор сидели на скамейке в аллее большого госпитального сада у стройных рядов вековых платанов. Мимо них, неспешно попарно прогуливались, лечившиеся военные в синей госпитальной робе. Их скорым шагом обгоняли спешившие по долгу службы офицеры в военной форме: майоры, подполковники, полковники с эмблемами военно-медицинской службы на петлицах. По случаю дня рождения Ленинского Комсомола в госпитале была суета. На фасадах корпусов развешаны красные флаги, с уличных громкоговорителей, воодушевляя на великие свершения, велегласно звучали бравурные комсомольские песни: «Товарищ Песня», «Песня о тревожной молодости», «Не расстанусь с комсомолом», «Любовь, Комсомол и Весна» и другие. На территорию госпиталя, одна за другой, заезжали персональные

служебные чёрные волги ГАЗ-24, прозванные в народе «чёрными вдовами» с крупными функционерами и автобусы с представительными делегациями из Ташкентских обкомов КПСС и ВЛКСМ. Они сбивались в группы с народными узбекскими артистами и вместе проходили праздничным шествием по госпитальным палатам, вручая раненым воинам-интернационалистам ценные подарки и памятные сувениры. За ними к входам госпитальных отделений на бортовых ЗИЛ-130 с огромными казанами плова и ящиками спелого винограда подъезжали сотрудники Ташгоробщепита в белых колпаках и халатах и спорко разгружали угощения. Руст и Сидор только что прошли медкомиссию и были признаны негодными к военной службе.

— Поздравляю! Вот и конец нашей ратной службе! — констатировал Русту понурый Сидор. — Получим законно положенные нам 317 рублей за тяжёлые ранения, и поеду в аэропорт за билетами.

— Нет! Так не пойдёт! — не одобрил Руст. — Давай-ка брат исполнимся долгом перед заведённой в роте традицией! Всё должно пройти так, будто мы возвращаемся домой штатно, не из госпиталя. Короче говоря: сначала поедешь в аэропорт и купишь билеты на ближайшие дни. Затем селимся в гостиницу «Узбекистан», а вечером оденем парадки с наградами и пойдём отмечать в ресторан «Заравшан». Дембельскую коляску госпиталь мне уже предоставил, так что я теперь на новых колёсах!

Сидор сделал всё, как наустил Руст. Вечером он покатыл коляску с

ним в расположенный в 10 минутах ходьбы от гостиницы ресторан «Заравшан», но к их приходу свободных мест уже не было. Руст, полный решимости, вадно махнул администратору и когда тот наклонился, сунул в грудной карман его форменного костюма синюю пятёрку.

— Подбери для нас столик, любезный! — горделиво порядил он. С кратчайшим током времени, по велению администратора два непоседливых официанта принесли откуда-то круглый стол, и, поставив между другими занятыми гостями и приподнятой сценой, предложили друзьям сесть. Тем временем, выступавший вокально-инструментальный ансамбль в ярких вотканых национальных халатах, начинал подводку к популярной песне авторов Ю.Энтина и Ф.Закирова «Учкудук — три колодца»:

Горячее солнце. Горячий песок.
Горячие губы — воды бы глоток.
В горячей пустыне не видно следа...
Скажи, караванщик, когда же вода?!

Учкудук — три колодца,
Защити, защити нас от солнца!
Ты в пустыне Ё спасительный круг,
Учкудук!..

После исполнения этой песни, музыканты объявили короткий перерыв и покинули сцену. Пользуясь тишиной на эстраде, к

друзьям подошёл молодой услужливый официант и наскоро принял заказ, принеся на аперитив бутылку советского шампанского.

Гомон зала прервал вернувшийся с перерыва и начавший говорить в микрофон долговязый солист ансамбля с чёрными волнистыми волосами и пышными усами:

— Уважаемые друзья! Сегодня у нас в гостях воины-интернационалисты, разведчики Ограниченного контингента Советских войск в Афганистане Рустам и Сергей! От имени их командира роты, боевого друга и всех гостей сегодняшнего вечера поздравляем ребят с окончанием военной службы в Афганистане и желаем им успехов в мирной жизни! Для них прозвучит знаменитая песня военных лет «Смуглянка»!

Её жанр весьма разнился от предыдущих песен из репертуара ресторанного ВИА, и вызвал в зале оживление и аплодисменты.

Как-то летом на рассвете,
Заглянул в соседний сад,
Там смуглянка-молдаванка,
Собирает виноград.
Я краснею, я бледнею,
Захотелось вдруг сказать:
— Станем над рекою
Зорьки летние встречать?!

Раскудрявый клен зелёный, лист резной,
Я влюбленный и смущённый пред тобой,

Клен зеленый, да клен кудрявый,
Да раскудрявый, резной...
(авторы Шведов А.З., Новиков А.Г.)

Руст и Сидор огляделись по сторонам в поисках знакомых лиц. В это время из служебного помещения артистов вышли и спустились со сцены в парадной форме капитан Середа и Костёр. Публика тем временем уже дружно подпевала артистам: «Клен зеленый, да клен кудрявый, да раскудрявый резной...» Возликовавшие от неожиданной встречи, командир и подчинённые начали обниматься и хлопать друг друга по плечам.

— Вот так встреча! — возрадовался Костёр.

— Это всё Руст! — поведал Сидор. — Не будем, говорит, нарушать ротных традиций! Покуда все наши ротные дембеля домой так воротались, и мы так поедем!

— Правильно мыслил Тукаев! — одобрил командир Середа.

— А как вы прознали, что мы ноне тут?! — любопытствовал Сидор.

— Начнём с того, что, мы — как и вы, верны нашим ротным традициям! — патетично продекларировал Костёр. — Поэтому, вечером запланировали пойти в «Заравшан». К тому же, при регистрации в гостинице нам сообщили, что двое афганцев час назад уже наводили справки, как пройти туда. По описанию, мы допустили: а чем чёрт не шутит! Вдруг это вы?!

— Да! — шутейно заметил Руст. — Верность традиции нас и выдала!

Тем временем к столу встретившихся боевых друзей официанты начали подносить бутылки шампанского и цветы, переданные от эмпативных гостей ресторана, приветствовавших их стоячими овациями. Друзья соборно встали и с благодарностью кивнули им в ответ. После шумного застолья с яркими воспоминаниями командир и друзья вернулись в гостиницу. Утром, встав пораньше, Костёр съездил за билетом на тот же авиарейс, которым летели Сидор и Руст. Посидев с капитаном Середой в гостиничном кафе на дорожку, друзья в парадной форме с орденами и медалями и скромными пожитками в дембельских дипломатах, двинулись на такси в аэропорт.

— Руст, ты подожди нас тут, — попросил Костёр, подкатив его на коляске к панорамному окну в зале Ташкентского аэропорта, — а мы с Сидором быстро узнаем, нет ли задержки рейса, и купим что-нибудь поесть. — С этими словами они приставили вплотную к колёсам коляски три дипломата и удалились.

В аэропорту была сутолока, виделось много возвращавшихся из Афганистана дембелей в парадной форме с однотипными дипломатами, в которых они везли подарки родным, а кто-то ещё скромные солдатские накопления чеков Внешпосылторга. Дембеля с пиететом приветствовали Руста, а некоторые инно подходили, чтобы пожать ему руку. Вместе с тем, Руст чувствовал на себе прикованные взгляды стоявших в сторонке и не внушавших доверия двух молодых людей. Они егзили, переводя взгляды от оставленных у коляски дипломатов на подогнутые брючины его культей, выжидая пока Костёр с Сидором отстранятся подальше.

Инвалид на коляске, — полагали злокоманы, — не окажет им сопротивления. Когда Костёр и Сидор исчезли в толпе, они порато сорвались к дипломатам. Но Руст загодя разгадал их устремления и громко свистнул. Не успели байданщики, схватив за ручки дипломаты, рвануть с места, как он кинулся и вцепился мёртвой хваткой им в руки.

Неспособные освободиться от безногого инвалида, они волокли его по гранитному полу к выходу, отбиваясь кулаками и локтями. Но Руст держался стойко. Свист и шум потасовки донёлся до Костра и Сидора. Друзья рванули на помощь и, подбежав к байданщикам, стали их крепко бить. Это продолжалось недолго. Наскоре возникшие милицейские дежурные аэропорта — сбойливый старшина и черемный сержант, оттащили разъярённых друзей в сторону. Грабителей вывели из зала и, посадив в жёлто-синий милицейский УАЗ-469, куда-то повезли. Но Сидор, Руст и Костёр сильно сомневались, что следующим днём эти же лица не станут орудовать в аэропорту вновь. Друзья дождались объявления посадки на рейс «Ташкент–Москва» и, сев в комфортный авиалайнер Ту-154, покинули Азию.

ПОЕЗДКА в ЛЕНИНГРАД

СПУСТЯ 8 МЕСЯЦЕВ ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ СИДОРА,
РУСТА и КОСТРА из АФГАНИСТАНА

МОСКВА-ЛЕНИНГРАД — СЕРЕДИНА ЛЕТА 1987 года

Друзья, Сидор — Сергей Сидоренко, Руст — Рустам Тукаев и Костёр — Иван Костров в ноябре 1986 года вернулись с Афганской войны и, попав в мирную жизнь, начали налаживать быт. Сидор — кавалер ордена «Красной Звезды» и двух медалей «За Отвагу», пользуясь преференцией ветерана войны, поступил на рабфак исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Руст, пройдя вместе с ним череду госпиталей в Афганистане и Ташкенте, встал на протезы и восстановился на первый курс экономического факультета Московского института нефти и газа им И.М. Губкина, откуда призывался в армию. А Костёр, отмеченный двумя орденами «Красной Звезды», возвращаться в институт, откуда призывался в Армию, не стал, а решил поступить в Высшую школу КГБ СССР им. Ф.Э. Дзержинского. По предложению Руста, в дни студенческих каникул, друзья решили навестить в Ленинграде маму погибшего Стрелы — Людмилу Васильевну. Она приезжала к сыну в Сурхандарью на присягу и угощала всех шестерых — Костяна, Монгола, Стрелу, Руста, Костра и Сидора, купленными в местной базарной чайхане самсой и пловом. Поездка осложнялась тем, что записная книжка, содержащая домашние телефон и адрес Стрелы, была утрачена раненым Рустом вместе с разрезанным медиками маскхалатом перед хирургической операцией в гарнизонном госпитале Шинданда. В его памяти, после перенесённой вместе с ранением, тяжёлой контузии, сохранилось лишь то, что жил Стрела на Полюстровском проспекте. Номер его дома, по отрывочным воспоминаниям, был то ли 20, а квартира 25,

то ли наоборот, а может, и ни то, и ни другое.

Как бы то ни было, Руст, Сидор и Костёр, сев в поезд Москва-Ленинград тронулись в путь. Они заняли отдельное купе и, проговорив в пути всю ночь, утром прибыли на Московский вокзал северной столицы. Город встретил пасмурной погодой. На площади перед вокзалом, выстроившись в ряд, стояло десятка два такси со светящимися зелёными огоньками. Одетые в модные по времени джинсы и куртки MONTANA и USTOP, купленные в афганских дуканах, в кроссовках ROMIKA и Adidas, с яркими спортивными сумками наперевес, друзья привлекли внимание тщедушного, курносого, в потёртой кожаной куртке и несуразной оранжевой кепке таксиста.

— Куда ехать?! — спросил он с прищуром, цвиркнув в сторону.

— Полюстровский проспект, — с нежеланием ответил Руст, оценив моветон таксиста.

Название проспекта было единственное, что он помнил твёрдо.

— Какой дом? — спросил таксист.

— Давай пока на Полюстровский, — дал целеуказание Костёр, — а там будет видно. Начнём с дома 20!

Таксист поглядел на друзей с опаской и указал на свою белую Волгу ГАЗ-24 с шашечками. Руст сел вперёд, Сидор и Костёр на заднее сиденье. После сорока минут езды по широким проспектам и улицам Ленинграда такси въехало в безлюдную заброшенную промышленную зону со старинными, с царских времён, буро-кирпичными домами, с ожидавшими переселения жильцами.

Друзья одновременно насторожились.

— Ты куда нас везёшь?! — с напором спросил Сидор.

— Так срежем. Путь будет короче, — ответил таксист, заметно егозя.

Проехав ещё немного, он остановил машину у железной телефонной будки и, посетовав, что забыл что-то выключить дома, отпросился срочно позвонить. Снял трубку и, начав с кем-то говорить, он отвернулся. Через некоторое время повернулся, пристально поглядел на ожидавших в машине друзей и, будто проведя рекогносцировку, кому-то о них доложил.

Друзья не ждали подвоха, пока четверо крепких молодцев, скоро вышедших из подъезда и обежавших вокруг такси, резко не открыли передние и задние двери, и не приставили к горлу каждого из друзей финские ножи:

— Деньги и ценности, выкладываем быстро! — прогорланил один из налётчиков. — Иначе порежем на ремни!

Паузы не было. Сидор, Костёр и Руст мгновенно мобилизовались, крепко схватив налётчиков за руки и, затянув в салон такси, начали жестоко бить и душить. Четвёртый член гоп-компании — акарёнок, сунувшийся в салон через водительскую дверь, тщетно старался нанести удары по молотившим его корешей кулаками и головами, Костру и Сидору, а затем разжать руки Руста, заключившего в клещи и заставившего хрипеть от удушья третьего подельника. Таксист с ужасом наблюдал за происходившим из телефонной будки. Драка внутри автомобиля вскоре перенеслась на тротуар, где, спустя пять минут, Сидор добивал крайнего налётчика, лицо которого напоминало мякоть переспевшего арбуза. Трое его

коршей, к тому времени обработанные Костром и Рустом, смирились с разгромом и, бросив подельника, хромя, держась за бока и вытирая с лица кровь, поспешно удалились. Как только гопники покинули место нападения, из окон, завешанного сохнувшим бельём дома, послышался женский крик: «Бандиты! Ты посмотри, что средь бела дня делают, а?! Сейчас в милицию позвоним!»

— Вакханалия! — отметил Костёр, сплюнув на тротуар кровавую слюну.

— Видел бы покойный Стрела, как его родной Ленинград принимает ратных наперсников, непременно огорчился бы! — пригорюнился Сидор.

За этим разговором к машине вернулся таксист. Он был в смятении от неожиданного исхода и, не сумев скрыть взбужденность, подтвердил подозрение друзей в своей причастности к налёту.

— За этим разговором к машине вернулся таксист. Он был в смятении от неожиданного исхода и, не сумев скрыть взбужденность, подтвердил подозрение друзей в своей причастности к налёту.

— Что штопарь-закоульщик, привёз нас на гоп-стоп?! – припёр его Сидор. - Будешь теперь нас возить по городу нашармака, пока не отыщем искомого адреса или наш крепко контуженый споборитель впрасол вдруг не встямится! Или нам огулом заслаться на съезжий двор?! Выбирай, клевет презренный!

Таксист, скабрёзно клявший приневоливших его басивал, выбрал первое. Друзья заехали сначала на Полюстровский проспект дом 20 квартира 25, потом в дом 25 квартира 20, а затем ещё и по другим

со схожими цифрами 0,2,5, адресам, но не находили квартиры Стрельцовых. При проверке очередного места, друзья, направлявшиеся к подъезду дома, услышали за спиной визг шин, рванувшего с места такси.

— Сбросил кандалы, ракалия! — пошутил Сидор.

— Вот незадача! — затужил Костёр.

— Надо искать Районный военкомат РВК, к которому прикреплён Полюстровский проспект, — домекнул Руст.

— Верная мысль! — поддержал Сидор.

Узнав от одного из прохожих адрес ближайшего РВК, друзья тотчас направились в путь. Уже через пятнадцать минут они стояли у дверей военкомата.

Наступил вечер пятницы. Рабочий день к тому времени уже закончился, дверь в РВК была заперта и на стук никто не отвечал.

Друзья обошли здание с тыльной стороны и, обнаружив служебный вход, постучались. Из-за двери без политеса коротко спросили:

— Чего надо?!

— Здравствуйте! Мы ветераны-афганцы. Приехали из Москвы навестить маму погибшего в Афганистане нашего товарища, — громко проговорил Руст. — Его звали Стрельцов Герман Владимирович. Могли бы вы дать нам домашний адрес Стрельцовых?

— Ничего не скажем! — ответил за дверью грубый мужской голос,

— РВК таких сведений не даёт! Приходите в понедельник в 8.00 к дежурному.

— Вы наверно не поняли?! — вмешался Костёр. — Мы приехали из

Москвы, и не можем ждать до понедельника. У нас в этом городе никого нет!

За дверью замолчали. Отчаявшись получить адрес Стрельцовых, друзья сели на ступеньки служебного входа и призадумались: что делать дальше? Внезапно, морок внутреннего двора РВК осветился яркими фарами, съезжих с двух сторон жёлто-синих милицейских УАЗ-469, с включёнными мигалками и сиренами. Слетевшие с них два наряда патрульно-постовой службы ППС из местного РОВД, ничего не выясняя, пустили в ход резиновые дубинки, не давая друзьям вставить даже слово. Остановить шквал ударов словами не удавалось. Чтобы умерить пыл запредельно усердствовавших блюстителей порядка, друзья прибегли к силовому сдерживанию. Однако силы были неравны. Прикрывая от ударов дубинками голени, лежавший на асфальте Руст прокричал: — Нам кто-то объяснит, в чём наша вина?! — Сейчас мы повезём вас в РОВД и там продолжим объяснять, в чём ваша вина! — изрёк дебелий старшина с чёрными усами в виде подковы, защёлкивая за спинами лежавших ничком друзей, наручники. — А ещё наши сотрудники снимут в травмпункте побои, и на вас откроют уголовное дело по статье 191 часть 1 — за неповиновение и оказание сопротивления сотрудникам милиции с применением насилия и угроз при исполнении ими обязанностей службы.

Друзей затолкнули в УАЗ-469, в отсек для задержанных. Дверь за ними, оглушительно клацнув, захлопнулась. Неутомимый злокоманный старшина прильнул потным круглым лицом к оконной решётке и желчно проговорил:

— А с учётом устойчивой группы, каждый из вас получит по пятёрке!

В ответ, Сидор приник вплотную лицом к сизому носу старшины и негромко пропел:

— «Рояль раскрыт, ты подошла, и ты промолвила:

«Твоя любовь запала в сердце глубоко»». Чудак кавайный! —

балагурил он неунывно с измазанным лицом и рассечённой губой, отряхивая пыль с джинсовой куртки, пуговицы которой были вырваны с корнем.

— Ничего не скажешь, радушный приём! — поддержал юмор Костёр. — Сначала гопники, потом дежурный РВК, а под занавес и милиция родная поучаствовала. Что будет дальше, не берусь даже предположить.

— А мы не к ним приехали! — веско привёл Руст, сжимая от боли высунутые из протезов посиневшие культы голеней.

— Это верно! — согласился Костёр.

— Ну как ты?! — с эмпатией поинтересовался Сидор, взирая, как Руст вдевает культы обратно в протезы.

— Штатно! — по-военному ответил Руст. — В Герате было хуже! Внедолге милицейский УАЗ-469 подъехал к Районному ОВД и друзей препроводили в камеру предварительного заключения, называвшуюся в простонародье обезьянником. Сюда со всего района свозили участников чрезвычайных происшествий, внутрисемейных разладов и, прибывшую на матч 18-го тура 50-го юбилейного Чемпионата СССР с Ленинградским «Зенитом», пылкую торсиду Тбилисского «Динамо», успевшую рукоприкладно

поспорить с автохтонными любителями футбола. Некоторых из них выводили на допрос, а о друзьях-афганцах совершенно позабыли, словно их и не существовало вовсе.

— Оно может и к лучшему, — мерекали они, — чего будить лихо. Не докучая дежурному вопросами, Сидор, Руст и Костёр разлеглись на деревянных скамейках и, повспоминав события армейской службы, а в них и павших Стрелу, Монгола и Костяна, заснули.

Наступило утро. Дверь в камеру отворил заступивший на дежурство невысокого роста и интеллигентного вида, приязненный, светловолосый капитан.

— Тихо! Тихо! Посторонись! Уроженцев чайного края допросим последними! — иронично уведомил он смятых в кулачной сече и горланивших без умолку болельщиков «Динамо-Тбилиси» и, протиснувшись вглубь заполненной камеры к лежавшим на скамейках друзьям, спросил:

— А вы, камрады, за какой выдающийся подвиг к нам удостоены?!

— Да не было подвига! — отреагировал Руст.

— Не было, говоришь? — усомнился капитан. — Ну пойдём со мной, расскажешь всё обстоятельно. А дружки твои подождут пока в камере.

Руст прошёл за дежурным в комнату, где стоял мигавший лампами большой пульт и куча телефонов, трещавших безумолку.

— Присаживайся! — предложил дежурный-капитан, и начал толковать, — в «Книге учёта лиц, доставленных в РОВД» и «Журнале учёта материалов об административном

правонарушении» записано: «Вчера около 19.30, группа нарушителей общественного порядка била в дверь Районного военного комиссариата, требуя впустить их вовнутрь». На требование дежурного РВК удалиться, дебоширы не только не реагировали, а нецензурно выражались и грозили рукоприкладством. Что можешь пояснить по данному поводу? Только по существу!

— Не было этого, — возразил Руст, — мы вели себя пристойно. Объяснили, правдиво, как есть: что приехали из Москвы навестить маму погибшего в Афганистане друга. Поскольку номер дома и квартиры, где он жил у нас не сохранился, а только название проспекта, мы решили обратиться за помощью в Райвоенкомат. А добраться до него обстоятельства позволили нам только вечером. Вчера, как известно, была пятница — конец трудовой недели и короткий рабочий день. Военкомат к нашему прибытию был уже закрыт. Нам не оставалось ничего другого, как обратиться к дежурному РВК, чтобы он помог с адресом. Он отказался войти в наше положение, да ещё цинично послал до понедельника. Дополнительно к этому вызвал два наряда милиции, задержавшие нас жёстко с применением силы.

— Хорошо! — допустил капитан. — Покажи мне свой паспорт и назови полное имя матери погибшего друга.

— Вот мой паспорт! — Руст протянул его капитану. — А маму покойного друга зовут Стрельцова Людмила Васильевна, она живёт на Полюстровском проспекте.

Капитан пролистнул паспорт, убедился в Московской временной

студенческой прописке и вернул его.

— Сейчас я запрошу по базе, — сообщил он и, сняв трубку, проговорил: — База! Посмотрите мне, Стрельцова Людмила Васильевна, Полюстровский проспект.

Внедолге ему ответили. Он возбудился, прижал подбородком к плечу трубку и, спешно порвав чистый лист бумаги пополам, повторяя за голосом на линии, быстро написал адрес: дом 5 квартира 20 и номер домашнего телефона.

— Держи! Сейчас наберём ей по телефону, — намерился капитан.

— Не надо! — резко пресёк Руст. — Её лучше не бередить раньше времени. Мы подъедем и на месте всё решим.

— Как знаешь, — не возразил капитан.

Они вернулись к камере, капитан выпустил оттуда Сидора и Костра, и, сопроводив всех троих к выходу, приготовился закурить. В этот момент в дверях им встретился привёзший надысь друзей в РОВД, водитель УАЗ-469.

— Гриша! Подбрось афганцев на Полюстровский, 5! — по-свойски призвал капитан.

Сидор, Руст и Костёр переглянулись.

— Нет, спасибо! — с улыбкой ответил Руст. — Мы охотно своим ходом.

Утро было пасмурным. Откуда-то слышалась песня «Звёзды нас ждут сегодня» популярной в конце 1980-х группы «Мираж».

Воодушевлённые обретенной свободой, друзья остановили такси и, купив по пути торт и цветы, приехали на Полюстровский, дом 5.

Они легко нашли нужную квартиру, и Руст позвонил в дверь.

Послышались шаги, и через несколько секунд дверь отворила высокая седая женщина.

«Глаза у мамы, как и у Стрелы — такие же голубые, голубые», — заметил про себя Руст:

— Здравствуйте Людмила Васильевна! Мы Герины армейские друзья! Вы нас не помните?

— Боже мой, ну, конечно же, я вас помню! Проходите, ребята! — пригласила она войти.

Друзья заметили у Людмилы Васильевны кручину, наполнившую её очи слезами, и сконфузились. Костёр передал цветы и торт.

Друзья помыли с дороги руки и направились в зал. Проходя мимо маленькой комнаты, их взгляд зацепился за висевший на стене большой портрет с улыбавшимся Стрелой. Друзья на мгновение оцепенели.

— Проходим дальше! — тихо скомандовал Руст.

Они зашли в зал и сели в мягкие кресла и диван. Наверху серванта в вертикальном положении стоял катушечный магнитофон МАЯК-203 с бобинами и заправленной лентой. Было ощущение, будто Стрела, поклонник творчества советских рок-групп: «Воскресенье», «Динамик», «Круиз», «Карнавал», лишь ненадолго вышел из комнаты, выключив его. За стеклом в рамке стояла коллективная школьная фотография.

— Ребята, помогите мне раздвинуть стол, — попросила, принёсшая вазу с цветами, Людмила Васильевна.

Друзья дружно встали, споро выдвинули, и, соединили воедино две столешницы, накрыв их скатертью и засервировав.

— Скоро будут готовы вареники с картошкой и творогом, Гера их обожал, — поделилась воспоминаниями из светлого прошлого Людмила Васильевна. — Я как чувствовала, налепила их с запасом и положила в морозильник. Герины одноклассники меня всё время навещают, и на кладбище к нему ездят. Бывает, поеду туда, а на могилке цветы свежие — помнят. Спасибо им!

Друзья, опустив взгляд, молчали. На их сердцах лежал тяжёлый камень — ведь они вернулись живыми, а её сын Герман — их товарищ Стрела, погиб. Каждый из них вспоминал тот бой в Хост-Ва-Ференге и думал, можно ли было предотвратить его гибель, а с ней, Монгола и Костяна.

Людмила Васильевна отлучилась недолго на кухню и, подав горячие вареники, пригласила всех за стол.

— Вот и собрались, — произнесла она сумно, утерев слезу.

— Мы хорошо помним, как вы приезжали к Герману на присягу в Сурхандарью, — начал Руст — как угощали нас шестерых пловом и самсой. Их вкус у нас до сих пор во рту.

Людмила Васильевна улыбнулась.

— Герман, наверняка писал вам о нас, и всё же, я напомним наши имена: я — Рустам Тукаев, справа от меня — Сергей Сидоренко, слева Иван Костров. Нас было шестеро, трое — ваш сын Герман, Константин Тевс и Дархан Бадмаев погибли. У нас нет для вас слов утешения, — продолжил Руст уже стоя — их ещё не придумали для матери, потерявшей единственного сына. Но мы втроём постараемся хотя бы частично заменить вам Германа.

Друзья встали и, молча, помянули друга. Затем, с разрешения

Людмилы Васильевны, Сидор снял висевшую на стене гитару и, настроив, запел песню барда-афганца Юрия Кирсанова:

Не надо нам громких тостов,
Не надо бокалов звона,
Не в радость нам эта водка,
Что в кружках у нас сейчас.

Останутся в памяти нашей
Запыленные батальоны,
И погибшие наши ребята,
Что всегда будут жить среди нас.

Первый тост — за ушедших в вечность,
Пусть же будет земля им пухом.
Мы запомним их всех живыми,
Тихим словом помянем их.

Тост второй — за удачу и смелость,
За ребят наших, сильных духом,
Чтоб остались душой молодыми,
И друзей не бросали своих.

На суровой земле афганской,
Под чужим, неласковым небом,
Родилась наша крепкая дружба,

Что в бою выручала не раз!

За нее третий тост поднимем,
И поделимся солью и хлебом,
Пусть же вечная будет та дружба,
Здесь навеки связавшая нас!

Отведав любимых Гериных вареников и, поговорив за столом, друзья предложили Людмиле Васильевне поехать на его могилу. Было пасмурно, всё ждало дождя. Друзья взяли такси и выдвинулись к Северному кладбищу. В дороге, на проспектах и улицах города, спорадично встречались болельщики «Зенита», загодя сбивавшиеся в кагалы перед походом на стадион имени С.М. Кирова. Когда добрались до кладбища, к месту, где были похоронены погибшие в Афганистане воины-интернационалисты, взору друзей предстал длинный ряд свежих могил. С фотографии на памятнике одной из них, глядел молодой лейтенант-лётчик в парадной форме. Под его именем была высечена эпитафия: «Ты моя радость, моё горе, моя любовь, моя печаль».

— Этого парня привезли давеча, и, памятник на могилу поставили тем же месяцем, не выдержав времени, пока земля осядет, — поведала Людмила Васильевна, проходя за спинами застывших у могилы с бередившей надписью на памятнике, Сидора, Костра и Руста.

Свежие захоронения воинов-афганцев заслонили могилу Стрелы, оставшуюся в глубине. Дойдя до неё, друзья увидели

выгравированные в светло-бордовом граните фотографию и имя: «Стрельцов Герман Владимирович. Воин-интернационалист». На могиле лежали несколько букетов свежих роз и гвоздик.

«Молодцы одноклассники!» — подумали про себя Руст, Сидор и Костёр.

— Здравствуй сынок! Вот и друзья к тебе приехали, — спокойно произнесла Людмила Васильевна.

Она постояла недолго, глядя на фотографию сына, и, полив водой из бутылки на отрезок материи, начала вытирать памятник от пыли. На безмолвно взиравших из-за её спины друзей это произвело тягостное впечатление. С фотографии улыбался благодушный по жизни Стрела.

— Великая Отечественная война застала меня полугодовалым ребёнком в Пскове, — стала рассказывать Людмила Васильевна при выходе из кладбища, — кроме меня в семье были ещё старшие: сестра 1938-го и брат 1939 года рождения. Нас, троих маленьких детей и маму, немцы отправили в концентрационный лагерь близ Кенигсберга, а освободили из застенков части Красной армии. После войны, окончив среднюю школу, я поступила в Псковский политехнический институт, где познакомилась с будущим мужем Владимиром Стрельцовым. Вскоре мы поженились, и у нас родился сын Герман. Жили мы счастливо, пока в 1971 году Владимир не погиб в автомобильной катастрофе. Так я осталась вдовой с четырехлетним сыном на руках. Всю жизнь проработала на одном из крупных оборонных предприятий и не стремилась устроить личную жизнь, посвятив себя целиком Гере. Школу он окончил на

хорошие оценки, однако в институт решил поступать уже после армии. В 18 лет, в октябре 1984 года, очевидно, как и всех вас — первой группой призывников, Геру направили в Туркестанский военный округ в Сурхандарью. Что произошло дальше, вам известно.

Вернувшись на Полюстровский проспект в квартиру Людмилы Васильевны, друзья сходили за продуктами, и Руст приготовил узбекский плов. За ужином вновь помянули Стрелу. А когда встали из-за стола и покинули зал, то заглянули в комнату с портретом друга. Войдя в неё, обратили внимание на следы обильного соседского затопления с верхнего этажа. На потолке, углах и стыках стен виднелись большие высохшие подтёки и отклеившиеся обои.

— Да это наш новый сосед Яков Иткин, — без злости указала Людмила Васильевна, убиравшая посуду, — затопил меня сверху ещё в конце зимы. Он человек видный, — директор двух магазинов «Берёзка» на Морской набережной, где ватажуются все ленинградские фарцовщики. Он купил две смежные квартиры и объединил их в одну. Соседи говорят, что подарок молодой любовнице — будущей оперной диве Мариинского театра. Когда делал глобальный ремонт, заодно решил поменять все трубы и отопительные батареи. А ремонтники его что-то недоглядели. За минувшие полгода я уже несколько раз ходила в ЖЭК и к нему лично обращалась, чтобы устранил последствия затопления — всё без толку.

— А мы с ним завтра непременно познакомимся, — заверил Руст,

— и обязательно урегулируем этот вопрос.

В это время на стадионе им С.М. Кирова начался матч Чемпионата СССР по футболу между Ленинградским «Зенитом» и Тбилисским «Динамо». Костёр, яростный болельщик Московского «Спартака» — давнего соперника «Зенита», с интересом засел у телевизора, желая поглядеть его трансляцию. На стадионе было облачно +17С. В начале встречи хозяева поля неизменно теснили гостей и на 8-й минуте ведущий форвард «Зенита» Владимир Клементьев хлестким ударом в верхний угол забил в ворота динамовцев Тбилиси зрелищный гол. Счёт стал 1:0. Из окон и с балконов ближайших домов раздались крики и свист ликовавших болельщиков «Зенита». Спустя короткое время шум стих, игра продолжилась. Людмила Васильевна, отказавшись от сторонней помощи, тем временем крутила мясной фарш для котлет, а Руст и Сидор, безразличные к футболу, остались в комнате Стрелы и продолжили вечер воспоминаний. Внезапно общение прервали доносившиеся с верхнего этажа крики.

— Ты слышал?! — спросил Сидор у Руста.

— Слышал! — подтвердил Руст.

Через мгновенье голоса заглушил усилившийся звук телевизора, транслировавшего футбольный матч.

— Сидор! А ну-ка кликни Костра, сходим, разведем, что там происходит, — предложил Руст.

Ничего не сказав, они спешно покинули прихожую.

— Ребята, вы куда? — бросила им вслед Людмила Васильевна.

— Мы ненадолго, — заверил Руст, прикрывая за собой дверь.

Друзья торопко поднялись на этаж выше и, повернув ручку незапертой двери, вошли внутрь. В квартире стоял полумрак, пахло сигарным дымом. Свет исходил от тускло светивших в коридоре старинных бра и высокого торшера с жёлтой ажурной тканью в ближнем углу зала. Что происходило внутри него, было не видно. Вместе с тем, в прихожей под туалетной дверью виделась полоска света.

Свет исходил от тускло светивших в коридоре старинных бра и высокого торшера с жёлтой ажурной тканью в ближнем углу зала. Что происходило внутри него, из прихожей было не видно. Зато, под туалетной дверью виделась полоска света.

Руст обратил на это внимание Костра и, показав ему жестом остаться прикрыть, сам двинулся вперёд. Сидор шёл следом. Медленно ступая по фигурному ореховому паркету, вдоль стен, оклеенных финскими обоями Sandudd мимо комнат с антикварной мебелью в стиле Bouille эпохи короля Людовика XIV, они подошли к зале, где громко работал телевизор. Там, коротко стриженный высокий и плечистый битюг в джинсах Lee Cooper и ветровке Marimekko нависал над сидевшим в антикварном кресле эндоморфным мужчиной лет 35-ти с обильным волосяным покровом тела и трёхдневной щетиной. В руках громила держал подключенный к сети утюг. На терпельнике красовались цветастые семейные трусы и белая майка. Руки и ноги его были связаны, во рту был кляп. Чуть поодаль, в глубине залы на парном кресле

сидела сходно упакованная, дивной красоты и изящных форм молодая дама. Локоны её волнистых каштановых волос были раскинуты на верхнем кружеве короткой, цвета маренго, шёлковой сорочки, стройные бёдра оголены. Сбочь на диване, закинув руки за голову и ногу на ногу, не отвлекаясь на неземную красоту, сидел ригидный акарёнок и, отрешенно следивший за ходом футбольного матча.

— Аха, их трое! — сообразил Руст — Чем же нам их ошеломить?! В этот момент открылась дверь туалета и показался третий сообщник. Костёр, не дав ему опомниться, точным прямым ударом в подбородок втолкнул его обратно. Шла шестнадцатая минута матча, и на стадионе зарядил проливной дождь. В ходе игры из-за нарушения правил футболистом «Зенита» судья Эдуард Дидур назначил штрафной по воротам хозяев поля. Пробить его тренер тбилисцев Кахи Асатиани доверил Отару Коргалидзе. Сильным ударом тот поднял мяч над стенкой и направил в дальний от вратаря верхний угол. Раздосадованный пропущенным голом, акарёнок вскочил с дивана и проматерился, сподвигнув друзей к решительным действиям. Сидор рванулся в комнату и резко выдернул из электросети кабель телевизора, а Руст вытащил из грудного кармана джинсовой куртки красное удостоверение «инвалида войны» и плотно, чтобы не разглядеть надписи, приставил в развёрнутом виде к лицу остолбеневшего садюжника: — ОБХСС! Отдел борьбы с хищением социалистической собственности! До подхода опергруппы и сотрудников прокуратуры, всем оставаться на своих местах! — истово

прогорланил он, войдя роль.

Притеснители были обескуражены:

«Вот мы попали! — подумали они, — по ходу директор «Берёзок» Иткин был в разработке в ОБХСС?! А нам паровозом за его грехи чалиться?» «Однако не слишком ли молоды и ладно одеты эти опера?! Скорее мошенники залётные», — домекнул их старший, битюг.

Выяснение личностей ОБХССников, вломившихся в квартиру, требовало времени. Не дав терзателям завершить умозаключения, Сидор схватил за горлышко матово-зелёную бутылку с объёмным теснением буквы «N» и золотистой надписью «SAMUS NAPOLEON», стоявшую на мраморной столешнице рядом с вазой, заполненной фруктами, и коробкой сигар Partagas, и замахнувшись ударил о голову битюга, расколов на мелкие осколки. Питатель рухнул на пол к ногам хозяина квартиры. Янтарного цвета элитное питьё разлилось по полу, раздав дуновеньем букет ароматов переспевшего инжира, спелого персика и цветочной ванили с тонами грецкого ореха, древесными нотками тика и палисандра.

Сидор посмотрел на него сверху и тихо пропел:

— «Рояль закрыт, и не звучит моё любимое,
Тобой забытое весеннее танго».

Потрясённый увиденным, акарёнок робко попытался встать с дивана, но увидев жест ладонью вытянутой руки и золый зрак Сидора, повелевшие не сходить с места, безропотно покорился. Руст переступил через распластанного посреди колотого стекла и разлитого коньяка тихо вывшего, державшегося за голову, битюга

и, наклонившись вытащил из рта терпельника кляп.

— Телефон где? — спросил он коротко.

— Там! — кивнул головой в сторону связанной спутницы, жадно вдыхавший воздух мужчина.

Руст подозвал Сидора и на ухо тихо проговорил:

— Запри дверь и держи с Костром оборону! Так, чтобы никто не выскользнул! Отворишь, когда приедет милиция!

Руст отыскал переносную телефонную трубку и, прозорливо не развязав хозяина квартиры, нажал у него на глазах две кнопки — 02. Когда на обратной стороне связи ответили «Милиция», Руст приложил трубку к его щетинистой щеке и приказал: «Говорите!» Обрадованный не законоломностью второй группы, хозяин квартиры, грассировал безумолку:

— Приезжайте, пожалуйста, срочно! Моя фамилия Иткин, зовут Яков Ильич. На меня совершенно нападение!

— Ваш адрес? — строго спросили на проводе.

— Полюстровский дом 5 квартира 24, — продиктовал Иткин.

— Наряд уже выезжает, ждите! — уведомили на линии.

Услышав разговор с милицией, сидевший на диване акарёнок, а поразмыслив, вскочил и метнулся к выходу, но был остановлен железным кулаком Костра и слёг в коридоре. Милиция прибыла торопко. Её сотрудники развязали сладкую парочку, а остальных фигурантов пассажа, в их числе — Руста, Сидора и Костра до выяснения обстоятельств заковали в наручники и повели к выходу.

Услышав в подъезде шум и увидев во дворе милицейские машины, Людмила Васильевна с тревогой в сердце и мыслью — не стряслась

ли с ребятами беда, вышла на лестничную площадку. В это время по ней в сопровождении вооружённых сотрудников милиции, с защёлкнутыми за спиной наручниками спускалось шестеро молодых людей. За ними шли прихрамывавший Яков Иткин и его очаровательная сошественница.

— Людмила Васильевна, не беспокойтесь! Ложитесь спать, — успокоил Руст, пообещав, — мы к утру непременно будем!

— Давай, давай! Не размусоливай! — вставил вперекор низкого роста неказистый старший лейтенант с тощим лицом, подталкивая задержанных до милицейского УАЗа.

В РОВД приехали быстро.

— О, старые знакомые! — обрадовался новой встрече куривший у входа в РОВД благожелательный капитан, увидев слезавших с УАЗ-469 Руста, Сидора и Костра. — Что, опять военкомат штурмовали?!

— В этот раз хоть не били! — выгодно заметил Сидор.

Их отпустили под утро — после письменных объяснений Якова Иткина, его пассии Киры Вайсман и друзей: Сидора, Руста и Костра. Когда изнеможенные после ночной перипетии они вышли из РОВД уже светало. Иткин по телефону вызвал служебную чёрную волгу ГАЗ-24 и, отпустив водителя, сам сел за руль.

Гражданка Вайсман села вперёд, а Сидор, Руст и Костёр сзади.

Скоро доехав на Полюстровский проспект компания вошла в подъезд. На лестничном марше у квартиры Людмилы Васильевны Иткин обратился к Русту:

— Предлагаю завтра в 13.00 прийти ко мне на обед!

Руст на мгновение задумался, но изнавись вспомнив, что к Иткину есть вопрос по восстановительному ремонту, произнёс:

— Почему нет?! — допустил он, глядя на Костра и Сидора. — Полагаю, ребята тоже будут не против.

В ответ друзья промолчали. Утром они поспали подольше и, погуляв недолго по району, в условленное время вместе с Людмилой Васильевной поднялись к Иткину. К этому времени следы ночного происшествия были уже устранены. К столу были поданы привезённые из ресторана гостиницы «Астория» изысканные блюда и деликатесы, типа белужьей и кетовой икры, стерляди горячего копчения, сёмги и балыка. На горячее был судак «Орли» под соусом тартар и отбивные бараньи котлетки на косточке. Из спиртного — водка SMIRNOFF и французский коньяк SAMUS NAPOLEON.

— Что они хотели от вас? — поинтересовался Руст у Иткина, не прикасаясь к яству.

— Видите ли, — начал объяснять Иткин, — я директор двух магазинов «Берёзка» на Морской набережной, дома 9 и 15. Наши магазины торгуют аудио-, видео— и бытовой техникой, а также другими дефицитными товарами. Оплата производится только валютой или чеками Внешпосылторга. Чеки — это такой вид денег. Им оплачивается труд граждан, работающих или служащих за границей.

— Мы знаем, что такое чеки Внешпосылторга, — сообщил Руст, — в Афганистане нам их давали, хоть и немного.

— Так вы афганцы?! — возбудился Иткин. — Ну, ладно. Давайте,

сначала я отвечу на ваш вопрос. Недавними Постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР в связи с перестройкой и гласностью объявлена борьба с привилегиями — «за равенство и социальную справедливость». Правительство СССР приняло решение с первого января 1988 года ликвидировать систему торговли «Внешпосылторг» и закрыть все магазины «Берёзка». Увеличился, без того ажиотажный спрос на наши товары. Речь идёт об импортной видео- аудио — и бытовой технике, ну и одежде, конечно. У наших магазинов начали выстраиваться огромные очереди. Обладатели крупных сумм чеков готовы платить сверху много больше, лишь бы успеть их скорее отоварить. С 1988 года торговля в магазинах «Берёзка» будет осуществляться только по безналичному расчёту. Так вот, учитывая, что магазины, которыми я руковожу, находятся в так называемом «Бермудском треугольнике», месте, где вращаются самые разные элементы: от фарцовщиков и валютных путан до бандитствующих элементов, вчерашний инцидент — это лишнее тому подтверждение.

Преступники стремятся установить контроль над очередью. Они используют льготные удостоверения ветеранов и инвалидов Афганской войны. Ведь афганцы, как вы сами сказали, получали чеки, пусть даже солдаты меньше, а офицеры больше, но все они по закону в равной степени обладают правом отоваривать их во всех магазинах «Внешпосылторга» в любой точке СССР. Разница между удостоверением «Ветерана войны» и «Инвалида войны», заключается в том, что инвалидов мы обязаны обслуживать вне очереди. Вы понимаете, как это упрощает задачу тем, кто замкнул

на себя потоки держателей крупных сумм в чеках и валюте?

— Схема понятна! — внял Руст, не проявив к данной теме интереса. — Яков Ильич! У нас к вам бытовой вопрос. Вы затопили квартиру многоуважаемой Людмилы Васильевны. На протяжении полугода она безуспешно пытается добиться от вас восстановительного ремонта. У нас к вам компромиссное предложение в виде настоятельной рекомендации: обеспечьте нас приличными обоями, клеем, кисточками и другими сподручными средствами, а мы сами в ближайшие дни сделаем ремонт и снимем эту проблему. А то, знаете ли, дела в Москве не ждут. Установить площадь затопленной спальни труда вам не составит? Она идентична вашей. Поэтому, пожалуйста!

— Конечно, конечно! — взволнованно заверил Иткин. — Уже сегодня вечером у вас всё будет. Простите, мне очень неловко, что так получилось! Может, я всё же дам вам рабочих?

— Мы бы не хотели перекладывать эту почётную миссию на посторонних людей и с удовольствием выполним её сами. Так что только материалы! — с улыбкой заключил Руст, переглянувшись с друзьями.

На этом тема восстановительного ремонта была закрыта. В завершении обеда за чаем и десертами Яков Иткин положил руку на плечо Кире Вайсман и горделиво попросил:

— Душа моя! Спой нам, пожалуйста, мой любимый.

Дива с готовностью встала из-за стола и, взяв со специальной подставки акустическую гитару, начала играть перебором и меццо-сопрано исполнять романс «Белой акации гроздь душистые»:

Целую ночь соловей нам насвистывал,
Город молчал, и молчали дома.
Белой акации гроздь душистые
Ночь напролет нас сводили с ума.

Сад весь умыт был весенними ливнями,
В темных оврагах стояла вода.
Боже, какими мы были наивными!
Как же мы молоды были тогда!

Все слушали, наслаждаясь божественным голосом и исполнением,
всецело согласующимся с её внешностью. Когда романс был
завершён, все дружно захлопали.

— Восхитительно, ничего не скажешь, — оценил Сидор. — А
можно мне сыграть одну из наших?— предложил он.

— Ну конечно! — охотно согласился заинтригованный Иткин и
передал ему гитару.

Руст и Костёр переглянулись. Сидор провёл пальцами по струнам и
запел песню барда-афганца Игоря Морозова «Я братьев двух когда-
то знал»:

Я братьев двух когда-то знал,
С одним в Афгане воевал,
Ходили к чёрту на рога и к ведьмам в зубы.
Стрелять он был большой мастак,

С десяти шагов менял пятак,
Был по натуре весельчак, хоть с виду грубый.

А старший был обществовед,
На все вопросы знал ответ,
Имел отдельный кабинет, машину, дачу,
Жил то в Париже, то в Москве,
Имел семь пядей в голове,
Но дело даже не в уме — поймал удачу.

И вот, когда, окончив срок,
Мы все покинули Восток,
Домой вернулись те, кто смог дойти до цели,
Явился к старшему меньшей
— Всё ж как-никак, а брат родной.
Тот накрывает стол большой — мол, ждал и верил...

После этого куплета Людмила Васильевна утерла слезу,
сосредоточив на себе сострадательные взгляды Костра и Руста.

... Там спирт окопный глотки жёг,
А здесь — французский коньячок,
Икорка, сёмга, балычок, язык телячий.
И почему-то вспомнил я,
Как провожали нас друзья
— Чеснок, четыре сухаря и фляжка чачи.

Меньшой сидел и молча пил,
Тут старший тост провозгласил,
И выпил из последних сил «за тех, кто в море».
И, повертев на свет стакан,
Сказал икая: «Слышь, братан,
Да брось ты свой Афганистан, он не в фаворе.

Пройдёт каких-то пара лет,
Его забудут — был и нет,
Твой автомат и пистолет — глупцам забава.
Иные нынче времена, Другие мерки и цена,
Кому нужна твоя война, ну что ты, право.
Бери пример — ну вот с меня.

На фронте не был я ни дня,
А посмотри — моя семья в шелках и славе.
Имею в обществе престиж,
То в Лондон езжу, то в Париж,
То в Риме с месяц погостишь, а то — в Оттаве.»

Тут младшего тяжёлый взгляд,
Его прервал: «Отставить, брат.
Я не политик, я солдат, и мне до дверцы,
Вся философия твоя,
И золотая чешуя Гнилых сентенций.

Да что ты знаешь о войне?
Вы здесь погрязли в барахле,
И лозунг — «я тебе, ты мне» — как песня вам,
А на иного падлеца,
Вполне хватило бы свинца,
Неполных девять грамм.

Иной до титулов дорос,
А как дорос — ещё вопрос.
Здесь главное — по ветру нос держать умело.
А я хотел бы посмотреть,
Какие песни станет петь,
Он под обстрелом.

Чтоб ты в Европу ездить мог,
Дань кровью брал с меня Восток.
Я больше износил сапог, чем ты — штеблетов.
Ты здесь в арабскую кровать,
С женой ложился почивать,
А там привык на камне спать, я с пистолетом.»

Мой друг — не мастер говорить,
Умел он в спорах трезвым быть,
Но вижу — начал заводить его браточек,
И друга я увёл к себе Во избежание ЧП.

Мы с ним бродили по Москве до самой ночи.

Какая б ни была беда, Мы слёз не лили никогда.

Обиды горькая вода бойцу опасна.

Друг, стиснув зубы, соль глотал.

Что думал он, о чём гадал?

Я думал так же и молчал — всё было ясно.

Потом судьба нас развела,

Его на Север позвала,

Меня замучили дела, работа, дети.

А брат его, общественед, В Париж уехал на пять лет,

Он там большой авторитет, в посольстве третий

Сидор закончил петь, повисла мрачная тишина.

— Ну, нам пора идти! — произнёс Руст.

Друзья и Людмила Васильевна дружно встали и, поблагодарив за вкусный обед, вышли из-за стола.

— Я провожу, — вызвался Иткин.

Когда гости подошли к порогу, Руст пропустил всех вперёд и, прикрыв за ними дверь, обратился к Иткину:

— Яков Ильич! Людмила Васильевна мама нашего погибшего в Афганистане друга. Она нам как Мать. Хотелось бы, чтобы вы приняли это к сведению.

— Я уже всё понял! — заверил Иткин.

Перед тем, как уйти, Руст крепко сжал его руку и, поглядев

пронзительно в очи, дал понять, что скрепил этим достигнутую договорённость. Уже вечером в дверь квартиры Людмилы Васильевны позвонили уполномоченные Иткиным люди и сообщили, что привезли необходимые для ремонта материалы. Обои оказались той же фирмы, что и у Якова Иткина — финской Sandudd и не на одну комнату, а на всю квартиру. К ним прилагались клей и инструменты. Через три дня квартира Людмилы Васильевны была обклеена новыми обоями, а друзья Руст, Сидор и Костёр с чувством выполненного долга убыли в Москву.

Шло время. 15 февраля 1989 года Советские войска вышли из Афганистана. Генеральный секретарь ЦК НДПА Президент Афганистана Мохаммад Наджибулла сказал тогда: «Ваш Верховный Совет дал оценку решению о вводе Советских войск в Афганистан в декабре 1979 года. У политиков своя ответственность, и о ней уже достаточно сказано. Я же склоняю голову перед памятью советских людей, которые отдали свои жизни, выполняя воинский долг. Война принесла много горя. Она не сразу забудется. Но не забудется также многими и многими афганцами доброта и мужество советских людей, их бескорыстие и человечность».

Спустя 7 лет Мохаммад Наджибулла вместе с братом будет растерзан талибами в Кабуле.

СОБЫТИЯ ОКТЯБРЯ 1993 года

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ октябрь 1992 года. Советский Союз скоро год, как прекратил своё существование. По кремлёвской брусчатке в сопровождении группы западных журналистов шагал радостный иностранный гражданин с открытой бутылкой шампанского в руке. Его имя Роберт Гейтс, он директор ЦРУ США. Под объективы видео— и вспышки фото-камер, он громко заявил: «Я совершаю индивидуальный парад победы, одержанной благодаря сотрудникам моего «управления», которые поняли, что сокрушить советскую империю можно, только организовав взрыв изнутри!»

ПРОШЛО 6 ЛЕТ ПОСЛЕ ПОЕЗДКИ ДРУЗЕЙ в ЛЕНИНГРАД

МОСКВА, КУТУЗОВСКИЙ ПРОСПЕКТ, дом 1. 21 сентября 1993 года

Было малооблачно, моросил мелкий дождь +12оС, к половине седьмого уже стемнело. На кухне просторной трёхкомнатной квартиры Руста собрались его боевые товарищи: Костёр и Сидор. Повод встречи был радостный — у Руста 20 сентября родился второй сын — Самир. К этому времени Костёр окончил Высшую школу КГБ СССР им. Ф.Э. Дзержинского и был отобран в подразделение специального назначения — знаменитую «Альфу». Сидор успешно завершил обучение на историческом факультете МГУ, но по специальности работать не стал, поскольку ещё во время учёбы с конца 1980-х начала 1990-х годов с головой

окунулся в бурно развивавшееся кооперативное движение. Занимался решением разноплановых задач: от стратегии перспективного развития до улаживания споров хозяйствующих субъектов. В личной жизни у Сидора также произошли подвижки. Он отыскал на Украине молоденькую медсестру из Кабульского госпиталя Нину Полюшкевич, которая после двух лет в Афганистане поступила в Киевский медицинский институт. На праздники и выходные он регулярно ездил к ней в гости. Руст, вопреки полученному в Афганистане ранению, приведшему к ампутации обеих голени, с отличием окончил экономический факультет Московского института нефти и газа им. И.М. Губкина. В конце 1980-х годов он принял активное участие в учреждении всесоюзных и общероссийских организаций ветеранов Афганской войны (1979–1989), разработке нормативной базы и программ по социально-бытовой и медицинской реабилитации инвалидов-афганцев, и материальной поддержки семей погибших. В 1991 году создал и возглавил крупную региональную организацию — Московский городской союз ветеранов Афганистана, став, одновременно, первым заместителем председателя Российского союза ветеранов Афганистана (РСВА). Учреждённые городским союзом предприятия, используя налоговые преференции, зарабатывали денежные средства и направляли их на уставные задачи организации. В частности, всем инвалидам-ампутантам Москвы и Московской области, включая и себя, Руст заказал протезы германской фирмы ОТТО-ВОСК. Полученное высшее экономическое образование, наличие у РСВА

квот на экспорт цветных металлов, нефтепродуктов и льготы на экспортную пошлину, позволили Русту заключить крупные внешнеэкономические контракты. Как только у него появились финансовые возможности, он решил реализовать свою давнюю, со времён Кабульского госпиталя, мечту. Он купил новую цвета морской волны ВАЗ-21065 и, подогнав к КПП-1 Центрального военного клинического госпиталя имени Бурденко Н.Н., вручил от неё ключи, многократно оперировавшему его в Кабуле хирургу подполковнику Александру Теплову.

Получив из роддома весть о рождении сына, Руст немедленно поделился ею с друзьями Костром и Сидором, пригласив их к себе на плов. В условленный час гости с подарками и гостинцами поднялись к квартире на верхнем этаже. Это был их первый визит к Русту после его переезда в центр. Уведомив звонком и гласом о своем прибытии, друзья вошли. В ответ из дальней комнаты раздалось:

— Парни, проходите! Три минуты, и я к вам присоединюсь!

В квартире явствовал аппетитный запах мясного брашна. Сидор и Костёр оставили пакеты с продуктами на кухне и прошли вглубь квартиры, откуда доносилось глубокое мерное дыхание человека, занимавшегося физическими упражнениями. Заглянув назирком в комнату, они увидели, как на распорном между полом и потолком турнике, Руст в тёмных трусах-боксерах, с отсутствовавшими по ровную линию голени, бесперечь, чередуя, выполнял выходы силой и подъёмы переворотом. Каждый мускул на его сбитом теле был чётко выражен, точёная фигура и короткая стрижка отвечали

армейскому габитусу.

— Я гляжу, наш друг, абулией и астенией не страдает, — пошутил Сидор.

Завершив упражнения, Руст проворно спустился с турника и, сделав несколько шажков на коленях, вёртко запрыгнул на низкий стул. Он не смутился от взоров друзей и, податно надел на культы голеней, стоявшие подле протезы:

— Парни! Вы пройдите в зал и садитесь за стол, а я пойду быстро ополоснусь.

Он включил телевизор и отлучился в душ. Костёр и Сидор перешли в зал и сели за сервированный по праздничному случаю стол. Его украшали хрустальная ваза с фруктами, горка пышных тандырных лепёшек, посыпанных кунжутом, от которых исходил редкий аромат, менажница с изюмом и орехами, и, чайники с пиалами пахта. Руст появился спустя семь минут, одетый в новую белую рубашку и строгие чёрные брюки. Завязав за спиной фартук, он начал хлопотать на кухне: спорко наполнил чумечем три расписные косушки клокотавшей в кастрюле шурпой, положил в каждую по паре мясистых бараньих рёбрышек и, посыпав душистым укропом, подал к столу. Руст знал толк в восточной кухне, и когда посещало вдохновение охотно кашеварил. Вскоре дошёл и плов. Потомив внедолге, он снял нацело накрывавшую видалый чугунный казан большую тарелку и выпустил пар. Засим, сноровными движениями капкюрем наполнил риштанский ляган рассыпчатым янтарным рисом-девзира и жёлтой морковью-мшак, напитавшихся ароматом душистой зиры. В центр, отделив от косточек и мелко нарезав,

сложил горку кусочков сочной мякоти молодого карачаевского ягнёнка, а край увенчал нарезанной спелой хурмой и багровыми зёрнами наливчатого граната.

— Да, ханская снедь! — отметил Костёр. — Я часто вспоминаю наше афганское бесхлебье и того огромного барана в Панджшерском ущелье, что свеживали переводчик Абдулло Кодиров и наш покойный Костян, — как нам, до жути голодным из-за духовского налёта не удалось его съесть.

Друзья улыбнулись и предались воспоминаниям.

— Ну вот, с нашего друга Костяна мы и начнём! — бравурно возгласил Руст и, накинув на плечи висевший на спинке стула строгий чёрный пиджак с орденской планкой из муаровых лент двух орденов «Красной Звезды» и медали «За Отвагу», продолжил: — Пусть это будет уже третий тост!

Руст уменьшил звук телевизора и все трое торжественно встали. Сидор наполнил всклень бокал, из принесённой им бутылки водки Smirnoff и, накрыв ломтиком лепёшки, поставил на край стола. Руст и Костёр, по разным причинам спиртное не потреблявшие, налили безалкогольное питьё по усмотрению. Руст выдержал короткую паузу и, проникновенно произнёс:

— Вечная память павшим в боях! В их числе нашим друзьям: Стреле, Костяну, Монголу.

За столом повисла тягостная тишина. Её нарушил Сидор:

— Наша вечная память, кто завидует ей?! Наша вечная слава не весёлый резон! Да, много наших братьев скосил молох войны! — кручинно заметил он, начав проникновенно декламировать

Александра Твардовского:

Летом горького года, я убит! — Для меня,
Ни известий, ни сводок после этого дня...
И во всём этом мире, до конца его дней—
Ни петлички, ни лычки с гимнастёрки моей...
Наши очи померкли, пламень сердца погас.
На земле, на поверке выкликают не нас.
Нам свои боевые, не носить ордена,
Вам всё это живые, нам отрада одна...
Мы за Родину пали, но она спасена!

После этих строк, Руст принёс из дальней комнаты гитару и,
передав её Сидору, попросил:
— Спой песню Юрия Кирсанова «Над горами кружат вертолётны».
Сидор провёл большим пальцем по струнам и, настроив
инструмент, начал петь:

Над горами, цепляя вершины, кружат вертолётны,
Где-то эхом вдали прогремели последние взрывы,
Только изредка ночью взорвут тишину пулемётны,
Проверяя, а все ли мы живы.
Афганистан, Афганистан, Афганистан, Афганистан.

По афганским дорогам пришлось нам проехать немало,
Мы тряслись в БТРах, нам небо служило палаткой,

И надолго под звездами твердым законом нам стало:
Не искать на земле жизни сладкой.
Афганистан, Афганистан, Афганистан, Афганистан.

Здесь про страх и опасность мы будто с тобою забыли,
И в минуту отчаянья мы научились смеяться,
И с друзьями, которых на целую жизнь полюбили,
Мы привыкли надолго прощаться.
Афганистан, Афганистан, Афганистан, Афганистан.

Время медленно шло, только быстро усы отрастали,
Снились ночью нам дети, любимые жены нам снились,
Но когда, расставаясь, с друзьями прощаться мы стали,
Почему-то опять загрустили.
Афганистан, Афганистан, Афганистан, Афганистан.

В момент, когда Сидор закончил петь песню, часы пробили 20.00 и на экране телевизора вещавшего со второго общероссийского канала ВГТРК, появилась ярко-синяя заставка с объявлением: «Обращение Президента РФ Б.Н. Ельцина к гражданам России». Через несколько секунд появился глава государства и поздоровался с гражданами.
— Это надо непременно послушать — приневолено растолковал Руст и, не встретив возражений, сделал звук громче, устремив взор на экран.
— Уважаемые Россияне! — начал Ельцин — Мной подписал Указ

«О поэтапной конституционной реформе». В Российской Федерации сложилась политическая ситуация, угрожающая государственной и общественной безопасности страны...

Друзья озадаченно переглянулись.

— Съезд народных депутатов и Верховный Совет предпринимают систематические и всё более активные усилия узурпировать не только исполнительную, но и судебную функцию... Уже более года предпринимаются попытки найти компромисс с депутатским корпусом, с Верховным Советом. Россияне хорошо знают, сколько шагов навстречу делалось с моей стороны на последних съездах и между ними... Последние дни окончательно разрушили надежды на восстановление какого-либо конструктивного сотрудничества...

Власть в Российском Верховном совете захвачена группой лиц, которые превратили его в штаб непримиримой оппозиции...

Сидор слушал выступление президента в негодовании. Он отводил и возвращал взгляд к экрану, от увлечённо слушавшего Руста и не выдававшего эмоций, Костра. Ельцин тем временем продолжал читать текст выступления:

— Верховный Совет, как государственный институт находится сейчас в состоянии политического разложения, он перестал считаться с Указами Президента, с его поправками к законопроектам, даже с конституционным правом вето...

Единственным способом преодоления паралича государственной власти в Российской Федерации является её коренное обновление на основе принципов народовластия и конституционности.

Действующая Конституция не позволяет этого сделать, поскольку,

в ней не предусмотрен выход из сложившейся ситуации. Стремясь к ликвидации политического препятствия, не дающего народу самому решать свою судьбу; учитывая неудовлетворяющее парламентским стандартам качество работы Верховного Совета и Съезда народных депутатов РФ; принимая во внимание, что безопасность России, и её народов — более высокая ценность, нежели формальное следование противоречивым нормам, созданным законодательной ветвью власти...

В целях:

- сохранения единства и целостности Российской Федерации;
- вывода страны из экономического и политического кризиса...

После этих слов, Сидор пересел в кресло, поближе к телевизору и стал внимательно вслушиваться в речь.

Глава государства сделал короткую паузу и продолжил:

— Постановляю:

Прервать осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций Съездом народных депутатов Российской Федерации и Верховным Советом Российской Федерации...

Настоящий Указ вступает в силу с момента подписания —

Президент РФ Ельцин Б.Н.

— Во, как вывел! — воскликнул Сидор и резво вскочил с кресла — «... Принимая во внимание, что безопасность России, и её народов — более высокая ценность, нежели формальное следование противоречивым нормам, созданным законодательной ветвью власти... Стремясь к ликвидации политического препятствия, не дающего народу самому решать свою судьбу». А как же

Конституция?! Могу компетентно заявить, этим Указом её гарант нарушил два пункта № 6 и 11 — 121-й статьи Конституцию РФ, а пунктом № 8 той же статьи, поставил себя вне Закона. Знал бы народ, тогда — в конце августа 1991 года, какую ошибку совершает, выходя на баррикады в поддержку Ельцина, против ГКЧП!

— Сидор! Ты ж вроде не коммунист, — с ехидцей напомнил Костёр, — я понимаю, если б возмущался Руст, получивший свой партбилет в 19 лет в Афганистане. Там, как известно, кого попало в КПСС не принимали. Он в отличие от политиков-ренегатов с раздорных сторон, в 1991 году свой партбилет не сжёг, и не выбросил! Ну, а ты-то, Сидор! Когда успел идеологией марксизма-ленинизма преисполниться. Мы тебя знаем другим!

Сидор опустил реплику Костра, продолжив каять:

— Лукавый краснобай шестилетним правлением вырыл могилу могучему государству, а крамольный прозелит забил в его домовину последний гвоздь. Беловежское соглашение декабря 1991 года — это беспрецедентный гешефт республиканских секретарей компартии, устремлённых урвать свой ломоть от разорванной империи с благословения победно возликовавших американцев. Прискорбно, что никакое аутодафе не вернёт нам утраченной великой страны. Мне вот интересно, — пылко порицал Сидор, — отчего это вдруг в ближайшем прошлом первый секретарь Свердловского обкома партии, секретарь ЦК КПСС и первый секретарь Московского горкома КПСС, внезапно и остервенело возненавидел всё коммунистическое?! Чем же это родная партия,

наделившая властью, обеспечившая всеми благами и, зауряд с ней, верные соратники, с кем он обок до 60-ти лет боролся за высшие идеалы и строил светлое будущее, его обделили?!

Руст не пожелал дебатировать и искать оправдания, а Костёр, как человек системы, блюдший корректность, вотума своего не задекларировал. Однако все трое понимали, страна скатилась к глобальному потрясению. Руст выключил телевизор, и друзья под впечатлением вернулись к столу. Сидор неожиданно вспомнил о своём обещании позвонить студенческому товарищу по МГУ им. Ломоносова Игорю Малярову — основателю в 1989 году и первому секретарю Российского Союза Коммунистической молодёжи (РКСМ), ставшим к тому времени уже младшим научным сотрудником кафедры политэкономии МГУ. Он извинился перед друзьями и, взяв переносную трубку, устранился на кухню. Сидор и вправду был далёк от коммунистической идеологии, но не ломавший армейской службу Игорь Маляров относился к нему — ветерану-афганцу, кавалеру ордена «Красной Звезды» и двух медалей «За Отвагу» с особым пиететом. Еще в университете Игорь всячески стремился привлечь Сидора к деятельности в РКСМ и оповещал обо всех политических событиях.

— Игорь, привет! Как ваш I-й съезд РКСМ, намеченный на 27,28 сентября, в связи с телеобращением Ельцина уже перенесён на неопределённое время?! — любопытствовал Сидор. Но, не дождавшись ответа, продолжил расспрос: — Ты речь его слушал?! И каков будет ваш ответ Чемберлену?!

Разговор с Маляровым не занял много времени. Полученной от

него информацией, Сидор тотчас поделился с Рустом и Костром: — Наши университетские с филфака, истфака, других факультетов из актива РКСМ, стягиваются к Дому Советов на митинг в поддержку Верховного Совета и Совета Народных депутатов. Указ № 1400 признан антиконституционным! Верховный Совет уже принял постановление о немедленном прекращении полномочий Президента и созыве на завтра VII-й экстренной сессии Верховного Совета с повесткой дня «о государственном перевороте». Этим же постановлением Верховный Совет созвал в ближайшие часы X-й Чрезвычайный внеочередной съезд народных депутатов с повесткой дня «о политическом положении в связи с совершённым государственным переворотом», который вестимо состоится в самые ближайшие дни!

С этими словами Сидор возбужденно вскочил с места и, упёршись ладонями в спинку стула, начал хронологично выводить:

— Уверен, что Верховный Совет, получив копию Указа № 1400 ещё до телеобращения Ельцина, тотчас запросил экспертное заключение Конституционного суда о его законности. А Конституционный суд, в свою очередь, незамедлительно созовёт экстренное заседание и подготовит экспертное заключение, которым признает данный Указ не отвечающим ряду статей действующей Конституции России и служащим основанием для отрешения Президента от власти. Апропо, другой Указ Бориса Николаевича — от 1 сентября сего года «О временном отстранении от исполнения обязанностей Вице-президента Руцкого А.В.», приостановленный Верховным Советом и, направленный в

Конституционный суд для экспертного заключения, также, в ближайшие дни, будет признан антиконституционным. А созванный чрезвычайный X-й Съезд народных депутатов, незамедлительно, в числе первых своих решений выдвинет на должность Президента генерала Руцкого А.В. и разом утвердит! — Тоже мне авгур! — оценил прогностический пафос Сидора, Костёр.

— А на данный момент, — продолжил Сидор, — уже объявлено о принятии Верховным Советом постановления с обращением «К народам России, Содружеству Независимых государств, мировому сообществу, военнослужащим Российской Армии, сотрудникам силовых министерств, ко всем гражданам России с призывом пресечь государственный переворот, организованный Ельциным Б.Н. и его окружением», а также — создании штаба обороны Дома Советов. На стихийный митинг у стен Дома Советов собралось уже более тысячи человек и началось возведение заграждений.

Милиция стягивает вокруг манифестантов плотное кольцо. Мы можем сами в этом убедиться, — Сидор кивнул на балкон.

Друзья встали из-за стола и вслед за Рустом вышли на балкон.

Дождь к тому времени уже прекратился, но к ночи резко холодало.

Сказанное Сидором подтвердилось. Было видно, как к Дому Советов, где проходил стихийный митинг, с разных сторон стекались ручейки народа с плакатами и флагами и подтягивались подразделения МВД. В этот момент из квартиры слышался телефонный звонок. Руст зашёл вовнутрь и снял трубку. Звонил председатель Российского Союза ветеранов Афганистана (РСВА)

Александр Котенёв:

— Рустам, здравствуй!

— Здравствуйте, Сан Саныч! — поприветствовал Руст.

— Ты следишь за новостями? — спросил Котенёв.

— Так точно, слежу! — уставно ответил Руст.

— В это непростое время мы обязаны поддержать Президента! —

твёрдо толковал Котенёв. — Я написал текст заявления РСВА с

решительной политической поддержкой Бориса Николаевича и

резким осуждением деструктивных действий А.Руцкого и

Р.Хасбулатова. Я уже отправил его по циркуляру в Администрацию

Президента, Правительство, Минобороны, Верховный Совет и

Совет Народных депутатов!

— Понимаю, Сан Саныч! — деликатно оценил Руст.

— Градус накаляется, наверняка потребуется наше участие. Ты оставайся в Москве и будь на связи! — командно призвал Котенёв.

— Буду в Москве, планов к отъезду нет! — взял к исполнению Руст и, под занавес разговора, корректно спросил:

— Сан Саныч! У меня вопрос.

— Спрашивай, — сказал Котенёв.

— Вы уверены, что в возникшем Конституционном кризисе, афганцам следует принять чью-либо сторону и оказаться на острие?

Насколько мне известно, — сведуще довел Руст, — на стороне Верховного Совета и Совета народных депутатов, также много афганцев.

— Я в курсе, — подтвердил Котенёв, — но сегодня каждый должен выбрать: с кем он! Борис Николаевич много сделал для афганцев,

подписал Указ о социальной и медицинской реабилитации.

Предательство постыдно и недопустимо!

— Я вас понял! — согласился с ним Руст.

— Молодец, что понял! До связи! — попрощался Котенёв и повесил трубку.

Руст снова вышел на балкон, но о разговоре с председателем РСВА, друзьям не рассказал. Постояв, вобизор глядя на сутолоку у стен Белого дома и, иззябнув, он предложил друзьям вернуться за стол.

— Да, зреет нешуточный переполох, — предрёк озадаченный Костёр, — нас уже перевели на усиленный режим.

— Руст, — с досадой домекнул Сидор, — РСВА, конечно же, встанет на сторону Ельцина? Ведь ваш председатель Котенёв близок к верховной власти. Хотя ею, уместно заметить, по Конституции России является Съезд Народных депутатов!

— И хорошо, что близок! — взъярился Руст. — Ветеранской организации нужна поддержка власти! Без её участия невозможно оказание насущной помощи тысячам искалеченным войной и потерявшим на ней своих близких.

— Но ведь это называется скрытым подкупом. — расценил Сидор.

— Как бы ты это не называл, — эмоционально парировал Руст, — инвалидам, нуждающимся в протезах и примитивном автотранспорте для передвижения, вдовам, оставшимся без мужского плеча, тем, кому нужно поднять малолетних детей и выучить, не интересны наши политические убеждения! Они пожертвовали самым дорогим — здоровьем и жизнями своих близких! Им нужна реальная помощь! — убеждал Руст. — Хотя, на

мой взгляд, ветеранским организациям следовало бы держаться от политики подальше и существовать по принципу Ахимса.

— Могли ли мы, воины-интернационалисты, — повысил эмоциональный накал Сидор, — воюя плечом к плечу в Панджшере, Кунаре, Герате, Файзабаде предположить, что спустя уже пять лет будем иметь несходные политические убеждения, которые разведут нас по разные стороны баррикад?! На что рассчитывал президент, назначив вторым лицом государства героя-афганца — генерала авиа-штурмовика?! Хотел держать подле себя грума или бибабо?! Берedit его, и, камарильи сознание другой наш ретивый афганец — народный депутат, оспаривающий в Конституционном суде правомерность ратификации Верховным Советом Беловежского соглашения 1991 года, разрушившего СССР. И следует заметить, его притязания имеют высокие шансы.

— Послушай, Сидор! — закипел Руст. — Я боевых заслуг наших звёздных афганцев не умаляю! Там была одна жизнь, здесь другая! Однако мне не терпится узнать: какое сатори вдруг посетило наших мегаломанов и доморощенных апологетов заморской демократии из числа вчерашней партийной коммунистической номенклатуры засевших в Верховном Совете и Совете Народных депутатов, среди которых, замечу, есть и афганцы?! Не они ли, два года тому назад в августе 1991 года, сбившись в яростный кагал с остервенелым остракизмом, вынесли верховного главнокомандующего, президента Советского Союза Горбачёва?! Неужели не понимали тогда, что гробят великую державу?! Какую цель они преследовали?! На что рассчитывали?! А я тебе отвечу: о сладких

местах они думали! Лично я так мыслю: если избранный народом национальный лидер взял тебя в свою команду и назначил вторым лицом государства — так будь ты приличным человеком, умерь свое альтер-эго и выполняй его указания! А не согласен с его политикой — так уходи! А изрекать на всю Вселенную: я честный, а мой начальник негодяй и оттого я собрал на него чемодан компромата, знаешь, по мне так, это — не комильфо! Какой бы героический человек этот не был!

— Надо прекратить этот безглазый разлад! — зычно вмешался Костёр — Ваши эмоции уже зашкаливают! У каждого свои убеждения, и мы ими не торгуем! Предлагаю вспомнить для чего мы здесь собрались. Мы пришли, чтобы поздравить нашего друга с рождением второго наследника! И лучшим нашим пожеланием будет: вырастить отцу стержневую личность, достойного сына и защитника нашего Отечества! — с патетикой резюмировал Костёр. Друзья посидели ещё немного и с холодком в отношениях разошлись.

Тем временем, растущий кризис власти погружал Москву в состояние тревожного ожидания. Пророчества Сидора оказались верными. Состоявшееся поздним вечером 21 сентября 1993 года экстренное заседание Конституционного суда признало Указ № 1400 и телеобращение президента по государственным каналам не соответствующими ряду статей действующей Конституции России и являющимися основанием для импичмента. Что было оглашено председателем Конституционного суда на открывшейся в полночь с 21 на 22 сентября VII-й экстренной сессии Верховного Совета РФ.

Её решением были прекращены полномочия президента Б.Н. Ельцина и переданы вице-президенту А.В. Руцкому, отменившему Указ № 1400 как антиконституционный. Вместе с тем Верховный Совет, отдельными своими постановлениями, освободил от должности трёх министров — безопасности, обороны и внутренних дел, назначив вместо них новых. Выбранное Верховным Советом руководство Министерства обороны разослало в воинские части, соединения и военные вузы телеграммы с требованием срочно прибыть к Дому Советов. Вместе с тем, от Минобороны и Генштаба РФ, исходил приказ подчиняться действующим руководителям.

Утро 22 сентября было облачным. Сидора разбудил телефонный звонок Игоря Малярова, тот сообщил время и место сбора РКСМцев у Дома Советов. Сидор ещё вечером твёрдо решил, что не останется в стороне от судьбоносных событий и подтвердил свое присутствие. Он сожалел о размолвке с Рустом и, желая примириться, пытался до него дозвониться. Но, не сумев с ним связаться, Сидор набрал номер Костра. Его телефон, также не отвечал, но Сидор оставил голосовое сообщение на автоответчике. В нём он просил передать Русту свои сожаления касательно эмоционального накала дискуссии и поведал о решении встать на защиту Дома Советов. Приехав к месту сбора, Сидор увидел, что число митинговавших по сравнению с вчерашним вечером резко возросло. Манифестанты выкрикивали политические лозунги, размахивали красными и чёрно-жёлто-белыми флагами. У Дома Советов активисты РКСМ разбили палатку, в которой был

образован штаб обороны. По приказу его руководства началась запись в добровольческий полк. В числе первых в его состав был зачислен и Сидор.

23 сентября стояла ненастная погода и сыпала морось, в 22.00 в Доме Советов, всупор подписанному Указу № 1400 открылся X-й Внеочередной чрезвычайный съезд народных депутатов, который утвердил новые кадровые назначения глав силовых ведомств. Безостановочный митинг у стен Дома Советов сопровождался прямой трансляцией заседания X-го съезда, а число граждан, пришедших выразить солидарность Верховному Совету и народным депутатам, увеличивалось. В этот день в разных частях Москвы между манифестантами и подразделениями МВД, периодически вспыхивали вооружённые столкновения. Штаб обороны Дома Советов, ожидавший скорое начало штурма, распорядился раздать добровольческому полку около 100 единиц автоматов Калашникова АКСУ-74 из арсенала бывшего департамента охраны. На прилегавшей к Дому Советов территории, по периметру и внутри здания — на этажах, лестничных маршах и переходах установили посты и организовали круглосуточную караульную службу. Все подступы к зданию заблокировали бетонными плитами и баррикадами. Сидора, как ветерана, прошедшего через горячую точку, назначили командиром отряда численностью в сто человек.

24 сентября в Доме Советов отключили подачу воды, тепла и электроэнергии. Это усугубилось тем, что в ночь на 25 сентября резко похолодало, температура опустилась до нуля градусов, а

утром пошел дождь со снегом. К тому времени Дом Советов уже оцепили кордонами подразделений МВД. Несмотря на обострение обстановки противоборствующие стороны: Администрация президента и правительство — с одной и, Верховный Совет с Советом народных депутатов — с другой, при посредничестве Патриарха Всея Руси и председателя Конституционного суда, искали возможные пути выхода из кризиса. Однако достичь компромисса всё же не удавалось.

26 сентября сохранялось холодная температура. Мощный дизельный генератор, вырабатывавший электроэнергию для Дома Советов, прекратил работу из-за отсутствия соляры. По этой же причине остановилась подача воды. И как завершающий аккорд, температура в ночь на 27 сентября, опустилась ниже минусовой отметки.

28 сентября зарядили холодные дожди, временами со снегом. Обстановка в городе ещё больше обострилась. Между манифестантами и подразделениями МВД в Центральном административном округе: на участке между Садовым и Бульварным кольцами; на станциях метро Краснопресненская, Баррикадная, площадь Восстания, Новый Арбат; на улицах — Дружинниковская, Садово-Кудринская и других местах — шли столкновения.

29 сентября погода ухудшилась, дул порывистый северный ветер, падал мокрый снег. Правительство предъявило ультиматум находившимся в Доме Советов сторонникам Верховного Совета и народных депутатов: до 4 октября сдать оружие, боеприпасы и

покинуть здание. Личная безопасность им гарантировалась.

1 октября вновь похолодало, но ни дождя, ни снега уже не было. Видимо отчасти это стало причиной, что вечером, к оцеплению у Дома Советов стянулось более десяти единиц бронетехники МВД. Новыми местами противостояния сторонников Верховного Совета и подразделениями МВД стали Смоленская и Октябрьская площади. Многолюдный митинг у памятника Ленину в центре Калужской площади превратился в массовое шествие, которое, словно лавина, двигалось по Садовому кольцу через Крымский мост и Зубовскую площадь к Новому Арбату. Оно сметало на своём пути заграждения, технику и подразделения МВД. Вскоре митингующие подошли к оцеплению у Дома Советов. Идущие позади стали напирать на тех, кто был в первых рядах. Оцепление подразделений МВД оказалось не в состоянии остановить напиравшую человеческую массу, оттеснившую его в глубь Конюшковской улицы между Домом Советов и зданием мэрии до гостиницы «Мир». Вскоре послышались треск автоматных очередей и разрывы гранат со слезоточивым газом. Возникла паника. В штабе обороны предположили, что стрельба велась из расположенной напротив Дома Советов мэрии. Из окон, расположенных на верхних этажах здания, вся прилегающая территория легко простреливалась. Посему руководство штаба обороны приняло решение захватить этот стратегический объект. Выполнение задачи возложили на группу под командованием Сидора. Во избежание гибели вверенных ему людей и военнослужащих МВД, Сидор провёл рекогносцировку и отобрал

группу наиболее опытных, прошедших горячие точки молодых людей. Он поделил её на три подгруппы и поставил всем персональную задачу.

Согласно его плану 1-я и 2-я мобильные группы — каждая по десять человек, с исходных позиций должны совершить внезапный налёт на стоявшие перед зданием мэрии три бронетранспортёра БТР-80 и два ЗИЛа-131. Безостановочной стрельбой над головами сидевших поверх брони и внутри кузовов военнослужащих МВД, мобильные группы Сидора втиснули их в центральный вход мэрии, дав им возможность рассеяться внутри здания. А сам он, с 3-й группой вошёл следом и, поднявшись практически на самый верх здания, блокировал подходы к окнам высотных этажей, дабы они не использовались для огневых точек при поражении защитников Дома Советов. После установления контроля над мэрией, Сидор оставил там необходимое количество своих людей, а сам с группой вернулся в Дом Советов. Так он выполнил приказ, избежав кровопролития. Тем временем напавший на милицейское оцепление поток манифестантов, покинула группа излиха ретивых граждан, которая поднялась на площадку перед мэрией и, забравшись на оставленные там БТР-80 и ЗИЛ-131, решила ввести их в действие.

Между тем группе Сидора штабом обороны была поставлена новая задача: выдвинуться к гостинице «Мир» и захватить её. Она, также была выполнена без жертв. Утром того же 3 октября, погрузившись на автобусы спецподразделение «Альфа», в котором служил старший лейтенант Иван Костров, прибыло к Дому Советов. Из-за

сложной обстановки Костёр в последние дни бывал дома лишь наездами. Однако, прослушав сообщение на автоответчике, он понял, что Сидор находится в стане защитников Дома Советов. В это время по Садовому кольцу к Дому Советов следовало 40 грузовиков и автобусов с военнослужащими МВД, в небе барражировали вертолёты. Напряженность возрастала. Полагая, что защитникам Дома Советов придётся туго, Костёр волновался за Сидора. Он искал любую возможность для проникновения в Дом Советов, чтобы найти и вывести его оттуда. На удачу, к переговорам сторон привлекли офицеров «Альфы», получившим возможность проходить внутрь здания с выделенных подъездов. Наступил полдень 3 октября. Вместе с другими заместителями председателя Российского Союза Ветеранов Афганистана и руководителями региональных организаций по созыву председателя Александра Котенёва Руст прибыл в центральный офис РСВА — особняк, входивший в комплекс зданий ГлавУпДК (главного управления по обслуживанию дипломатического корпуса при МИД РФ) в Царицыно. Там, следя за развитием событий и, ожидая команды выдвинуться к Дому Советов, он провёл весь день. Всё это время, выстроившись в цепь вдоль огороженной территории, ждали указаний арендованные по случаю автобусы ЛАЗ-695. В 21.00 председатель РСВА Александр Котенёв поручил руководителям организаций обеспечить обязательное прибытие всех членов к зданию Министерства обороны РФ на улице Знаменка 14/1 у станции метро Новый Арбат. В промежутке между 22.00 и 23.00 в Москву вошла бронетехника Таманской,

Кантемировской и Тульской дивизий. Тогда же Дом Советов покинули последние иностранные журналисты. Тем временем по Ленинскому проспекту через Садовое кольцо в направлении к Дому Советов стягивались коробки из 30 БТР и 40 грузовиков с личным составом отдельной мотострелковой бригады — бывшей Особой дивизии КГБ СССР. В 22.30 к зданию Минобороны в ЛАЗ-695 прибыл и Руст. Внутренний двор военного ведомства к тому времени уже заполнили молодые люди в гражданке. Вскоре из парадной вышел председатель РСВА Александр Котенёв и громко скомандовал:

— Товарищи афганцы! Слушай мою команду: в две шеренги становись!

Ветераны проворно построились.

— Равняйся, смирно! — довершил он команды.

В эту минуту к нему подошёл министр обороны РФ Павел Грачёв.

Он был спокоен и держался уверенно. Увидев перед собой афганцев и, узнав некоторых из них, он заметно приободрился:

— Вольно! — приказал министр обороны.

Котенёв продублировал команду. После этого Грачев произнес напутственную речь:

— Товарищи афганцы — боевые друзья! Страна сейчас переживает тяжёлые времена. Верховный Совет и Съезд народных депутатов открыто игнорируют власть Президента! Руководствуясь личными мелкособственническими интересами, они блокируют здравые законодательные инициативы и назревшие экономические реформы. Они призывают российское общество к неповиновению и

открытому противостоянию с верховной властью, ввергая в гражданскую войну. Я убеждён, что в этот ответственный момент, на кого действительно может положиться страна и наш президент, это вы! Спасибо вам, что откликнулись на зов и пришли, не обманув надежд президента. Ваша задача состоит в недопущении гибели гражданских лиц — выводе их из Дома Советов и отводе от мест огневого соприкосновения. От имени Верховного главнокомандующего Бориса Николаевича Ельцина, благодарю вас за личное мужество и гражданскую позицию!

В этот момент к министру подошёл его заместитель, генерал-полковник Георгий Кондратьев и доложил, что к зданию Минобороны на Новом Арбате, подошли коробки бронетехники Таманской дивизии. Объяснив задачу, Котенёв отдал афганцам команду грузиться на броню БТР и проследовать к Дому Советов. Когда они направились в сторону поджидавших на проспекте БТРов, Котенёв, окликнул шедшего замыкающим Руста и, подойдя вплотную, келейно призвал:

– Не подставляйтесь там! Береги людей!

— Обязательно, Сан Саныч! — с улыбкой пообещал Руст и поспешил догонять товарищей.

Наскоре преодолев путь от станции метро «Новый Арбат» до Дома Советов, а затем, спешно промчав вдоль фасада до стыка Краснопресненской набережной и Глубокого переулка, бронетранспортёры БТР-80 с афганцами подверглись обстрелу и забросаны бутылками с зажигательной смесью. Спрыгнув с объятай пламенем брони, Руст с товарищами укрылся за широкими

стволами вековых клёнов на пересечении Глубокого переулка и Краснопресненской набережной — по левому флангу от фасада Дома Советов. Спустя годы по возвращению из Афганистана, ветераны вновь окунулись в боевую среду. В этой обстановке их обескураживала собственная безоружность да так, что было уже не до политических предпочтений. Вернуться живым из-за речки и сгинуть на улицах Москвы — не весело. Тем временем, по параллельной Краснопресненской набережной — Рочдельческой улице, мимо баррикад с конца Глубокого переулка на высокой скорости неслись четыре БТР-80 дивизии им. Дзержинского. Они попали под обстрел защитников Дома Советов и ответили огнём из башенных пулемётов. Резво повернув на Глубокий переулок, БТРы «дзержинцев» направились вниз по уклону до пересечения с Краснопресненской набережной — к месту, где стояли БТРы Таманской дивизии. Увидев укрывавшихся за деревьями людей, они приняли их за сторонников Дома Советов и открыли по ним шквальный огонь. Стрельба шла отовсюду, нашлась работа и для снайперов, залёгших на чердаках и крышах ближайших к Дому Советов, домов. Пуля, вошедшая сверху в грудь Руста, вылетела из бедра. Колени подкосились, и он упал. Его верный товарищ — заместитель Московского городского союза ветеранов Афганистана Равиль Нигметзянов, оттащил его за дерево и стал осматривать:

— Что у меня?! — насилу выговорил Руст.

— Вижу ногу прострели! — ответил Равиль, увидев источавшее кровь выходное отверстие на бедре.

— Нет! В районе живота! — толковал Руст.

Равиль расстегнул кожаную парку, приподнял свитер и рубашку, и, увидел входное отверстие. Аптечки с собой у него не было.

Афганцы быстро дотащили Руста до ближайшего военного Урала-4320 и погрузили в кузов. То, что Равиль оказался рядом, было большим везением. Он был профессиональным медиком и сумел оценить критичность полученного Рустом ранения. Стремясь, как можно скорее доставить его на операционный стол, Равиль запрыгнул в кабину к водителю-солдату и, прогорланил: «Гони!» — Как зовут?! — спросил он зычно, когда Урал-4320 уже набрал ход.

— Малхаз! — ответил водитель.

— Малхаз, летим на всех парах! — потребовал Равиль.

Они оставили за спиной милицейские кордоны и свернули с Нового Арбата на внутреннюю сторону Садового кольца в направлении НИИ скорой помощи им. Склифосовского, известного в народе как «Склиф». Равиль был стержневой личностью. Сбойливый, высокого роста шатен с голубыми глазами, он был намного старше Руста и других членов городской организации, но никогда этим себя не выделял. В молохе Афганской войны он потерял родного младшего брата Рината — молодого лейтенанта, едва начавшего службу в войсках после окончания Казанского высшего танкового командного училища. В то время Равиль только защитил кандидатскую диссертацию и был в татарской обкомовской больнице самым молодым заведующим отделением, — реабилитационным. Годом ранее он женился на дочери народной артистки Татарской АССР певицы Альфии Афзаловой — Зульфие.

Однако трагическая судьба младшего брата не давала благополучному и перспективному специалисту покоя. Он всячески искал возможность направиться в Афганистан. Однажды в разговоре со своим другом, служившим в ту пору в Ленинградской военно-медицинской академии им. С.М. Кирова, Равиль узнал, что 650-й Военный клинический госпиталь 40-й Армии в Кабуле ищет специалиста по восстановительному лечению. Он, не мешкая, направился в Татарский республиканский военный комиссариат и оформил документы для командировки в Афганистан.

До самого дня отправки он скрывал от недоумевавших родных причину, почему оставляет завидное служебное место и летит в командировку в какую-то там Монголию, на самом деле оказавшейся Афганистаном. Прибыв в пункт назначения, в кратчайший срок Равиль наладил работу Службы реабилитации Кабульского госпиталя, регулярно выезжал в местные командировки в Кундуз, Джелалабад, Гардез, Кандагар, Шинданд и другие отдалённые регионы. За образцовую службу командование госпиталя его отметило орденом «Знак Почета».

Время в пути пролетело быстро. Когда вдали завиделся Склиф и, стоявшая подле его парадной военной техника с людьми в форме, Равиль сообразил: нет, ребята! Времени на объяснение сторонности в конфликте и обстоятельства ранения у нас нет!

— Сворачивай налево! — приказал он Малхазу. — Уйдём на проспект Мира и заедем с тыльной стороны. Я покажу путь.

Малхаз резким движением руля вогнал Урал-4320 на проспект Мира и, свернув через 300 метров направо в Грохольский переулок,

объездными путями заехал на задний двор госпиталя. Там, в это время из нескольких карет скорой помощи медики перекладывали на каталки множество раненых у Дома Советов. Равиль и Малхаз выскочили из кабины и, забравшись в кузов, стали вытаскивать истекавшего кровью Руста. Увидев это, курившие у входа в приёмное отделение люди в белых халатах мгновенно подкатили каталку и, погрузив на неё Руста, срочно повезли в операционную. Равиль сел в кабину Урал-4320 только тогда, когда Руст уже был в руках оперирующего хирурга. Затем, он и Малхаз поспешили обратно к Дому Советов. Интенсивность движение на Садовом кольце в тот момент была слабой, и они быстро добрались до Нового Арбата. Проезжая сквозь милицейское оцепление на пересечении с Конюшковской улицей, Равиль увидел в пространстве между припаркованными автобусами, сбившихся в круг, ладно экипированных спецназовцев и узнал среди них Костра. — Высади меня здесь! — попросил он Малхаза, и, поблагодарив за помощь крепким рукопожатием и сотенной купюрой долларов, спрыгнул с подножки автомобиля, клацнув на ходу закрывшейся дверью. Этот шум заставил Костра обернуться.

— О, Равиль! Ты чего здесь делаешь?! — изумился он.

— Да вот, говорят без берсерков из РСВА, никак не обойдутся! — с тугой ответил, Равиль.

— А ты чего такой мрачный? — почувал неладное Костёр. — Руст тоже здесь?!

— А с Рустом беда, — сумно сообщил Равиль, — он в Склифе!

— Что случилось? — потрясся Костёр.

— Подстрелили его! Два часа назад в Глубоком переулке, — поведал Равиль.

— И каково сейчас его состояние? — спросил он.

— Критическое! — ошеломил Равиль.

Костра бросило в жар. Он подробно расспросил об обстоятельствах ранения и разом вспомнил о Сидоре. Мысль, что с ним произойдёт нечто подобное, если ещё не хуже, стала навязчивой. Сидор и Костёр имели полярные темпераменты и разную среду взращения. У одного было трудное детство, он вырос без родительской ласки в Ростовском интернате. Второго взлелеяли в любви и заботе в семье московской научной интеллигенции. Но, несмотря на это они стали духовно близки. Их связывала какая-то невидимая нить. К тому ж, Костёр благодарно помнил о заветной фляжке воды, жертвованной Сидором в горах Кишима. Это был поступок.

— В Склифе, говоришь?! — вернулся из мыслей о Сидоре Костёр.

— Предлагаю в ближайшие дни непременно навестить его. Поедем вместе?!

— Поддерживаю! — согласился Равиль, пожелав мысленно: нужно, чтобы он ещё выжил!

Внезапно слышалась команда старшего «Альфы» грузиться на БМД-2 тульских десантников и Костёр наскоро попрощавшись с Равилем убыл на задачу. Начинало светать.

Руста вскоре прооперировали и перевели в реанимацию. Пуля калибра 7.62, вошедшая в тело сверху повредила лёгкое и другие важные органы. В ходе сложной хирургической операции, Руст лишился большей части тонкого кишечника, селезёнки, одной

почки и впал в кому. Вероятность, что он останется жив, была ничтожной.

Тем временем, события у Дома Советов перешли в драматическую фазу. В 6.30 10 танков Кантемировской дивизии выстроились на Новоарбатском мосту. Прикрывшись щитами, подразделения МВД начали оцепление Дома Советов. В 06.50 к зданию и прилегавшей территории вышли верные президенту Ельцину части Таманской, Кантемировской, внутренних войск им. Дзержинского дивизий, 119-го парашютно-десантного полка Тульской дивизии ВДВ и сотрудники Смоленского ОМОН.

Обойдя Дом Советов с тыла и, проникнув через разбитые окна внутрь, Костёр с двумя товарищами поднялся на третий этаж, где столкнулся с группой вооружённых людей, в числе которых был и Сидор:

— Бача! — прогорланил он.

Сидор обернулся и, что-то сказав товарищам, подошёл.

— Здорово! — ровно поприветствовал Сидор. — И вас привлекли?

— Как видишь! — ответил Костёр. — Сидор, ваше положение патовое! Кадухис! Танки заняли исходное положение. Будут бить прямой наводкой со всех стволов. Предлагаю тебе пока не поздно выйти со мной за оцепление. Я представлю тебя своим агентом.

— Спасибо Костёр! Но я не пойду! Я здесь с 22 сентября. Мы с парнягами из Приднестровья стали побратимами. Ну, как я им объясню свой уход?! Повязан я! Ты давай иди, а там, как Бог положит, — отклонил призыв Сидор.

— Не будь безрассудным! — растолковывал Костёр. — Когда

запахнет жареным, ваши дуче побегут сдаваться наперегонки!
Помяни мои слова: у них не хватит мужества застрелиться! А вас
рядовых поборников перебьют, как куропаток. С мёртвых спроса не
будет, а пленных и раненных вряд ли пощадят!

Но Сидор был не преклонен.

Поняв бессмысленность уговоров, Костёр с тяжёлым сердцем
оставил здание. Вскоре по верхним этажам начали прицельно бить
танки Т-80. На верхних этажах вспыхнул пожар. К орудийным
залпам присоединились пушки бронемашин БМП-2 и БМД-2 и
стучавшие очередями зенитных установок КПВТ
бронетранспортёры БТР-80. Одновременно с этим с разных сторон
короткими перебежками к Дому Советов двинулись армейские
мобильные группы, вошедшие в плотное огневое соприкосновение
с его защитниками.

Жертвы с обеих сторон исчислялись уже сотнями и продолжали
расти. В определённый момент по достигнутой между
противоборствующими сторонами договорённости, для выхода из
Дома Советов политиков, женщин и детей огонь был временно
прекращён. Но вскоре он вспыхнул с новой силой. Сторонники
Верховного Совета, удерживавшие здание мэрии, прикладывали
все усилия, чтобы прорваться на помощь Дому Советов, но всё
безуспешно.

В 14.00 огонь стих. С тыльной стороны здания, защитники начали
выносить раненных и убитых. Пользуясь моментом, Костёр
повторно проник в здание. Он взмыл по лестнице вверх,
поднимаясь с этажа на этаж и, пробегая по длинным коридорам

мимо кабинетов, вглядывался в застывшие в разных позах, обгоревшие и бездыханные тела, но Сидора среди них не находил. И вот, взойдя на очередной этаж, почти отчаявшийся Костёр, увидел сквозь марево задымлённого коридора силуэт человека. Он сидел, прислонившись спиной к стене, опустив голову. На его раскинутых, изрешечённых осколками, окровавленных бёдрах лежал АКС-74. Это был Сидор. Услышав шаги, он старался сфокусировать взгляд и нацелить на подходившего к нему человека, своё оружие, но сил на это у него не было.

— Отставить! Свои! — проронил подсевший сбочь Костёр и, защёлкнув предохранитель, убрал автомат Сидора в сторону. — Ну что паладин, сбылись мои пророчества?!

Но Сидор его не слышал. Костёр посидел внедолге обок, унесённый потоком мыслей в светлое прошлое — в Афганистан, когда в дружеской шестёрке были ещё живы Стрела, Костян, Монгол, но тут же опомнился:

— Надо уходить! А то не ровен час пристрелят — либо свои, либо чужие!

Костёр взвалил на плечо истекавшего кровью Сидора и стал спешно спускаться по лестнице. Когда он вышел из здания, к нему бойко подкатила карета скорой помощи, и споро подхватившие Сидора медики положили его на носилки. Костёр подошел к их старшему и, показав удостоверение офицера «Альфы», попросил поскорее доставить раненого в стационар. А сам вернулся к автобусам своего подразделения. Спустя короткое время, Костёр и его товарищи, сидя на броне БМД-2 возвращались с задания,

следуя по Дружинниковской улице в направлении Дома Советов. На ставшем в дни противостояния опасным участке дороги они услышали стрельбу и увидели спрятавшуюся за телефонной будкой женщину с маленьким ребёнком. Под прикрытием брони спецназ вывел их с обстреливаемой зоны и эвакуировал в безопасное место. Затем их БМД-2 возобновила ход. Проехав небольшое расстояние, они увидели лежавшего вскрай проезжей части раненого солдата. Костёр на ходу спрыгнул с брони и, схватив за руку, стал тащить его к броне. В этот момент, с крыши одной из ближайших высоток по нему выстрелил снайпер. Ранение оказалось смертельным. У Костра осталась жена и маленькая дочь Маша.

В 17.00 4 октября 1993 года, благодаря участию в переговорном процессе офицеров спецназа «Альфа» и «Вымпел», защитники Дома Советов сдали оружие и, закинув за голову руки, покинули здание. Как и предрекал Костёр, их лидеры, воззвавшие иностранных послов предоставить им гарантии личной безопасности, думали только о себе.